

Христианское Наследие

Ночные Слезы:

Когда Страдают Дети

Гораций Бонар

Перевод Б. Субботина

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
1. СЕМЬЯ.....	6
2. ЖИЗНЬ СЕМЬИ.....	11
3. ЗНАК ОТЛИЧИЯ СЕМЬИ.....	14
4. ДИСЦИПЛИНА В СЕМЬЕ.....	18
5. ЖЕЗЛЫ СЕМЬИ.....	25
6. ПРООБРАЗЫ.....	29
7. ИСПЫТАНИЕ.....	31
8. ОБЛИЧЕНИЕ.....	35
9. ОЧИЩЕНИЕ.....	38
10. ПРОБУЖДЕНИЕ.....	42
11. СЕРЬЕЗНОСТЬ.....	46
12. ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ.....	49
13. ВОСПОМИНАНИЯ.....	54
14. УТЕШЕНИЕ.....	57
15. ВЕЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.....	62

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не так уж и легко написать книгу для семьи Божьей. И все же эти мысли о наказании для них написаны.

Может быть, младшие братья Мужа скорбей найдут эти мысли неприемлемыми. Ибо путь труден, и опустошения уже видны. Кто из них может сказать хоть что-то о своих перспективах здесь, если бы гонения ожидали их на каждом следующем повороте их жизни? Об этом они должны знать, и к этому они должны готовиться, хватаясь крепче при каждом шаге за благодатную руку, которая ведет их в царство и, ища руководства у любящего ока, которое наблюдает за ними с самой любящей бдительностью, всегда яркое и всегда нежное, будь то в тени или в сиянии солнца, будь то среди гула занятой жизни или в тишине пути одиночества.

Вот это небольшое издание посвящается членам этой семьи. Они могут найти в нем то, что может быть, не совсем заинтересует их, но, может быть, также отразит их жизнь. Это может быть что-то такое, в чем они узнают не голос чужака, но голос брата, о котором можно было бы сказать: «соучастник в скорби и в царствии и в терпении Иисуса Христа» (Откровение 1:9). Потому что интонации страдающих братьев на земле несут в себе что-то чрезвычайно особенное, чтобы не быть признанными на уровне инстинкта. Кто-то говорил, что арабские песни очень жалобные. Они все касаются меланхолического аккорда, как если бы плач пустыни эхом отдавался в ключевой ноте каждой мелодии. В какой-то мере это относится и к чадам царства во время их странствий в этой земной пустыне. Их голос всегда мягок, нежен и тих. Печаль отшлифовала его шероховатость и вдохнула больше нежности в его тона. Истинно это голос радости, ибо это голос прощенных. Но все же это скорбящая радость, спокойной и серьезной радости. Их особенная судьба последователей отвергнутого Господа, и их особенные обстоятельства посреди осужденного и погибающего мира, создали в их духе глубокую и безмятежную серьезность выражения во взгляде и в голосе. Отсюда существует инстинктивное признание среди братства не только в том, как выглядит семья, но и в том, какая у нее интонация. Мы говорим с вами о семейных материях, и у всех членов в этих вопросах есть общие интересы. У «своих по вере» есть много забот, и не самая меньшая из них – это их скорби. Это удел всех. И нет такого члена семейства, который не имел бы в этом своего участия, будь то в личном страдании или, помогая другим нести их бремена.

Написанное здесь может подойти каждому, будь он под наказанием или нет. И все же, это представлено в особенности для тех, кто скорбит «от различных искушений», страдая за упрек к Господу, проходя через огонь и воду с оковами на чреслах своих. (Псалтирь 65:11,12) Трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит. Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось (Евреям 12:12-13).

Наше желание – служить святым в утешении и увещании Господа. Нам следует стремиться нести их ноши, перевязывать их раны, вытирать, по крайней мере, самую малость их слез. Утешать скорбящих не только для того, чтобы соблюсти в послушании заповедь: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов», но чтобы сопровождать Иисуса в Его посещениях милости к Его страдающим святым на

земле. И еще быть соратником Духу Святому в миссии Утешителя Церкви во всех ее гонениях и бедствиях.

Об этом мир мало, что знает. Мир не симпатизирует святым, не в радости и не в печали. Заботы семьи, и в особенности печали семьи не для них. И как они должны понимать их, поскольку они остаются без нее? В первую очередь они должны войти в нее и занять свои места среди детей под кровлей родительского дома. И что может остановить их? Врата открыты день и ночь. Их всегда встретят в том доме с самыми добрыми приветствиями любви.

Но, не смотря на то, что мир стоит далеко от святых и не может смешать свои симпатии с их симпатиями, ему хватает своих скорбей глубоких и многих. Находиться в печали и не иметь утешителя; страдать от ран и не иметь врача; быть изможденным и не иметь места для покоя – это и есть тяжкий жребий мира.

И все-таки, это их собственный выбор. Бог для них такой участи не выбирал. Они сами сделали этот выбор. Бог приглашает, нет, скорее Он искренне молит их оставить это, а они не оставляют. Насколько бы это не казалось грешным, они предпочитают это Его дружбе. А с Ним их сердца во вражде, а Его присутствие для них – мрак и ужас. И все же Он дальше продолжает упрасивать их. Он не оставит их одних. «Многие скорби», которые окружают их – это Его множество посланий благодати, Его неустанные постукивания в их наглухо закрытые двери. Он подписывает Свое творение «суею», самые лучшие земные радости «суею и томлением», чтобы люди не вкладывали в них свою уверенность. Самое милостивое, что Он делает, так это огораживает их разочарованиями всех форм и видов, чтобы они обратили свои очи вверх над землей и за этими небесами на вечно пребывающую благословенность одесную Его вовек. С какой добротой, хоть и кажется со строгостью, Он разрушает их лучшие дружеские отношения, чтобы привлечь их к общению с Его намного лучшим и вечным товариществом? С каким состраданием Он губит их неверные связи, чтобы увлечь их подальше от земли и привязать их к Себе более благословенными связями Его собственной нежной любви? С какой нежностью он разрывает на куски связи между братьями и родственниками, чтобы Он мог объединить их с Собой в более ценном и вечном взаимоотношении?

С какой милостью Он поражает их перспективы на мирское богатство и сводит к тщетности их надежды на земные власть и величие, чтобы дать им небесное сокровище и сделать их «царским священством» для Себя в прославленном царстве Сына Своего. С какой любовью Он разрушает их репутацию среди людей, разбивая на кусочки и доброе имя, которое было их идолом, чтобы Он мог показать им всю тщетность человеческой похвалы. Он побуждает в них желание получить почесть от Бога и знать, угодна ли Ему эта жизнь. Чтобы свет Его одобрения стал самим сиянием Небес.

О, если бы только этот беспокойный мир с разбитым сердцем познал эти уроки благодати! О, если бы только они вкусили и увидели, как благ Господь! Пусть же они придут домой к Нему. Он не будет дразнить их тенью, и не накормит их свиными рожками. Он удовлетворит их жаждущие души. Он обратит их полночь с полдень. Он даст им красоту за пепел, елей радости за скорбь, одеяние валы за дух бремени, чтобы назвать их деревьями праведности, насаждениями Господа.

Так пусть же мир примет во внимание Божьи дела. А «детям» не следует пренебрегать наказания Господня, и унывать, когда Он обличает их. Они должны, по крайней мере, знать значение Его действий по отношению к ним, потому что они знают Его. Мир может неправильно понимать Его упреки или составлять недоброе мнение. Его дети не могут этого, потому что они знают, что «Бог есть любовь».

Следующие мысли направлены на то, чтобы помочь им в толковании Божьих стезей, не только для того, чтобы найти утешение во время скорби, но вынести пользу из него. По крайней мере, я попытался внести и свой вклад в это дело. Я сделал то, что смог, но не то, что бы сделал. Но вполне допускаю, что это будет принадлежать Главе семьи. И Он пошлет это рассеянным членам, будь они близко или далеко. Он знает, что им

понадобятся такие слова в свое время; и что, если сконцентрированные знаки не обманывают, они им понадобятся вскоре и потом понадобятся снова. В таком случае даже этот маленький том может оказать им неоценимую помощь.

Это было написано в немощи и со многими грехами, которые могут все испортить. И среди скорбей странник быстро сможет из этой работы извлечь для себя урок. Это написано тем, кто и сам старается изъять пользу из скорби и дрожит от одной только мысли, что это может пройти для него незаметно подобно тому, как ветер прошел над камнем и оставил его таким же твердым, каким он был всегда. Это написано тем, кто в каждой печали охотно приближается к Богу, чтобы познать Его лучше, и кто не желает признавать, что и сам мало чего знает.

1

СЕМЬЯ

Божья цель изначально была не просто выкупить для Себя людей из мира грешников, но привести людей к особенным отношениям с Ним. Его цель была приблизить их к Себе ближе других отрядов Свои созданий и установить связь самого близкого и самого особенного вида между ними и Божеством.

Чтобы претворить эту цель, Слово стало плотью. «Ибо не Ангелов восприемлет Он, но восприемлет семя Авраамово». (Евреям 2:16) «А как дети причастны плоти и крови, то и Он также воспринял оные, дабы смертью лишить силы имеющего державу смерти, то есть диавола» (Евреям 2:14)

Таким образом, были установлены новые отношения, о которых даже возникновение мысли ранее считалось невозможным. Связь творения, хоть и не растворившаяся, теперь должна была затеряться в более близкой и дорогой связи родни. «Ибо и освящающий и освящаемые, все - от Единого; поэтому Он не стыдится называть их братьями» (Евреям 2:11). Он называет их братьями, и они называют Его Братом. Будучи «рожденным от жены», Он стал участником нашей непритязательной человечности, так, что был костью от кости и плотью от плоти. А мы, будучи «рожденным от Бога», стали участниками божественной природы, «членами тела Его, от плоти Его и от костей Его». Таким образом,

Святые – это самые близкие родственники Сына Божьего. И если они – родственники Сына, то и Отца тоже, как Он сказал: «Я и Отец – одно», «Разве ты неверишь, что Я в Отце и Отец во Мне?»

Отсюда следует, что семейные отношения сформированы, и Божий изначальный замысел претворен в жизнь. Ибо так сказано: «А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились». (Иоанна 1:12,13) И еще сказано: «Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его». (1-е Иоанна 3:1), Мы вознесены на высшую ступень творения. Нас привели во внутренний круг Отчей любви – к подножью Его престола, ближе к сердцу Его, чем ангелов, ибо мы – Тело Христово, и члены в частности – «полнота Наполняющего все во всем».

Из этой новой цепочки истекает семейная связь между нами и Богом и Отцом Господа нашего Иисуса Христа, «Его Отец и наш Отец, Его Бог и наш Бог». И в особенности этому имени семьи радуется Бог. У Него много имен для искупленных Его. Они – Его избранные, Его народ, паства Его, Его наследие. Но чаще всего Он говорит о них, как о Своей семье. И это настолько сильное чувство, что Он склоняется над ними настолько проникновенно, как если бы они были Его первородными – чадами сердца Его и желанием очей Его. «Он избрал нас в Нем прежде создания мира» (Ефесянам 1:4). Это их истинное наследие, и наивысшая слава. Бог предопределил «усыновить нас Себе чрез

Иисуса Христа, по благоволению воли Своей» (Ефессянам 1:5). Он оживил их со Христом из мертвых в грехах и преступлениях, и воскресил их безмерным величием могущества Божьего, по действию державной силы Его, которою Он воздействовал во Христе, воскресив Его из мертвых (Ефессянам 1:19,20), Они спасены благодатью через веру, и сие не от них, Божий дар (Ефессянам 2:8), Они примирились с Богом смертью Сына Его. (Римлянам 5:10) Они избавлены от настоящего лукавого века, по воле Бога и Отца нашего. (Галатам 1:4) Они искуплены кровью Иисуса и оправданы по вере в Его имени. Они искуплены от суетной жизни не тленными вещами, но драгоценною Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначенного еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для них (1-е Петра 1:18-20). Они сделались наследниками Богу и сонаследниками Иисусу Христу, царями и священниками Богу, которые будут править с Христом вечно над искупленным и восстановленным творением.

Это семья, конечно же, они рождены свыше. Их родословная тянется из вечности. Их происхождение от Царя царей. В них течет царственная кровь Небес. И хотя их нынешнее условие непритязательно, их перспективы такие яркие, которые только может разрисовать надежда, ярче чем видело то око, ярче чем слышало то ухо. Им еще не открылось, что они будут. Но они знают, что, когда откроется, то будут подобны Ему, потому что увидят Его, как Он есть. (1-е Иоанна 3:2)

Но вне этих описаний, которые окружают спасенную семью такой особенной славой даже здесь, и простое состояние как Божьей семи, призывает к большему вниманию. Потому что не внешние обстоятельства формируют или придают интерес дому или семье, но бьется здесь живой пульс страсти. Ни земная роскошь, ни земная нищета не могут материально изменить настоящий внутренний характер этого маленького круга человеческих сердец, который человек называет семьей. Яркое небо и сияние солнца не могут ослабить или разъединить узы; и не могут они оттолкнуть их радость и любовь. Темные дни и бури могут покорить их. Они только еще сильнее укрепляют узы между ними, они становятся всем во всем друг для друга. Так и с семьей искупленных. Не внешние обстоятельства или перспективы на будущее дают им это имя. Это нечто намного нежнее и глубже всего этого. Это биение небесной привязанности, пульсирующее сквозь каждого члена, проходя через безграничное горнее сердце. Именно это делает их тем, что они есть. Именно в этом аспекте Богу радостно смотреть на них. В особенности по этой причине Он дал им то имя, что носят они.

Слово «семья» - святое, даже среди детей этого мира. Есть некоторая благоговейная нежность в этом, которую некоторые, не считая самых нечестивых, в какой-то мере не чувствуют. Один из их же поэтов выразил это чувство следующим образом:

*Проклятье матери всегда
Ужасно для детей:
Мать и преступная – все ж мать,
Нет ничего святей.*

Без всяких раздумий я согласен с чувством, содержащимся в этих словах. Язык очень выразителен. Все же он показывает чувство мира к крепости и священности семейных уз. И столько истины содержится в этом или, по крайней мере, подразумевается. Ни один другой земной круг нельзя сравнить с кругом семьи. Он вмещает в себя все то, что больше всего им ценится и больше всего восхищает его. Это центр, в котором собираются и переплетаются все человеческие привязанности, сосуд, в который они все вливаются с такой радостной свободой. Нет слова, которое бы содержало в себе так много ласкательных ассоциаций и драгоценных воспоминаний, сокрытых в сердце подобно золоту. Оно сразу же волнует саму сущность человеческого существа – его «сердце сердец». Все, что мило, нежно, мягко и истинно, обернуто этим одним словом. Оно говорит не об одном круге или об одной связи, но о многих кругах и многих связях – все

они близки сердцу. Семейный очаг, здоровье семьи, семейный стол, привычки семьи, голоса семьи, семейные символы, семейные приветы, мелодии семьи, семейные радости и печали – какая богатая жила воспоминаний лежит под одним этим словом! Отбери это, и земля станет просто могильным церковным двориком для раздробленных костей, а человек станет подобным многочисленным песчинкам иссушенного песчаника на ветру, или в лучшем случае, фрагментами разорванного цветка, рассеянными ветром.

Все это прекрасно в человеческих отношениях или нежно в человеческой привязанности или ласково для человеческих связей. Все это приятно и драгоценно в движениях человеческого сердца от нижних глубин до самой поверхности – все это обернуто этим словом: семья. Для сплоченных уз, для твердой верности в любви, для глубины в симпатии, для преодоления бедствий и опасностей – где мы еще сможем найти то, что можно было бы сравнить с историей семейных кругов? Супружеская любовь, родительская любовь, любовь детей к родителям, братская любовь, сестринская любовь – все здесь. Многие течения человеческой привязанности вливаются в это слово, или изливаются из него, ради изобилия и радости земли.

Мы не должны тогда удивляться, что именно это название будет выбрано в качестве одного из особенных названий Церкви. Бог радуется всякий раз, когда Его избранную группу называют именно этим особым именем. *Семья Божья* – то есть, название или имя церкви. Итак, Он обитает посреди нее, заботится о ней и присматривает за ней. Его отношения с ней больше всего похожи на отношения отца с детьми – нежные, и все же строгие – любящие, и все же мудрые. Он сидит посреди Своих детей, смотрит за каждым и в Своей благодатной мудрости разбирает все заботы Своего семейства.

Там Его сердце! Да, можно сказать, что Божье сердце должно особенно находиться именно в Его Церкви. Там оно раскрывается так, как не может раскрыться в кругу других видов Его творений. Там оно являет себя во всей своей многогранной полноте, потому что границ каких-либо для него не существует. Лишь только в семье то, что мы называем привязанностью или любовью, разделяется и распространяется подобно солнечному лучу в семи цветах радуги, и только для того, чтобы показать себя во всех богатых оттенках сокровенной красоты. Итак, лишь только в Церкви Божья любовь полностью видна, не просто во всей своей интенсивности, но во всем своем разнообразном богатстве. Здесь раскрываются все виды любви. Нет места такому широкому разнообразию привязанности между Главой и членами и между самими членами. И кажется, что были даны новые силы для любви и новые объекты для этой любви.

Без всяких сомнений, существуют и другие имена для святых помимо этого. Но ни одно из них не выражает того, что может предназначение этого имени. Бог называет их Своей паствой, что предполагает нежную заботу с Его стороны, зависимость и беспомощность с их. Он называет их лозой, отмечая их единство, в том числе непрекращающееся питание, которое всегда циркулирует через них от отцовского стебля. Он называет их храмом, указывая сплоченность их структуры, симметрию в проекте, красоту форм, и самое главное, пригодность для жительства и поклонения Иегове. Он называет их телом, чтобы не только подчеркнуть их миловидные пропорции, но и их восхитительное единство, и сознательную жизнеспособность бытия, как и близость связывающих уз и их разнообразное служение друг к другу. Он называет их градом (городом), сблизив их счастливую общину привилегий и прав и хорошо организованное управление. Они наслаждаются безопасностью, миром, изобилием, удобств соседства и проявлений взаимной любви. Он называет их царствием, выражая их высокое и почетное состояние, царственность, славу, власть, их права наследования.

Но, не смотря на их различные и выразительные известные имена, они все еще несовершенны. Они сами описывают это как только внешние круги, и каждое название присуще только отдельному определенному кругу. Но они не прикасаются к внутреннему кругу – внутренней области нашего духовного бытия. Только это хорошо известное слово,

это волшебное слово, семья, может выразить все то, что Бог считает нежным и мягким, любящим и ласковым в Церкви Христа, в которое Он вливает Свою любовь, которое радуется Его взор тем, что любовь беспрепятственное течет, и от которой Он ожидает обильного потока любви.

Есть нечто такое, что шокирует нас касательно этой семи. Это способ, которым Христос говорит об особом интересе к каждому члену. «Тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб». (Иоанна 17:12) Как это похоже на семейное чувство! Каждое имя и каждое лицо знакомо, знакомо настолько сильно, что даже потеря самого меньшего и младшего будет сразу же замечена. Место, где сидит каждый, комната, которую занимает каждый, время выхода и входа. Его взгляды, его привычки, его тон настолько хорошо знакомы, что как только его не будет, то его сразу же хватятся. Ну, и никто не сможет восполнить его место. Его отсутствие создает пробел, который сможет заполнить только он сам. Приятель или товарищ может исчезнуть, и никто не хватится его.

Такое место легко можно восполнить другим. Но с членом семи все совсем по-другому. Если есть разрыв в круге, мрачный пробел; и если смерть уносит брата, сестру, отца или мать, то кто или что может заполнить их место? Когда один цветок вянет, другой всходит, возможно, в нем больше свежести и больше благоухания, - и мы забываем об увядшем. Но у иссохшего цветка семьи нет преемника: он умирает, а пустота остается навсегда. И разве нет вероятности того, что именно это чувство испытывал Иисус, когда смотрел на Свой широкий круг семи и, исследуя каждое хорошо знакомое лицо, благодарил за то, что никто из них не погибнет, как если бы Он не мог сохранить всех тех, кого Ему вверил Отец.

О, какой большой интерес проявляет Иисус к каждому! Воистину это личное и особенное приложение к каждому члену. Разве не теряем мы многое, забывая об этом? Даже в человеческих вопросах мы склонны это проглядеть. Мы называем чувство, которое Отец проявляет к каждому из Своих детей, любовью. Ну, называем мы это так, но это не все. Существует определенная разница между Его любви к самым старшим и самым младшим, рожденным в семье. Эта разница в случае с каждым основывается на особенном характере каждого члена семьи. Именно эта минута и особая любовь так ценны. Если бы не так, то мы должны были бы чувствовать себя так, словно обладаем лишь только частью сердца нашего Отца, как если бы мы не владели всем тем, что по праву принадлежит нам. Но, осознавая это, мы чувствуем так, как если бы нам принадлежало все Его сердце, и все же принадлежащее нам ни в коей мере не обкрадывает наших братьев и сестер. С семьей так, как и с солнцем в небесной тверди. Оно собственность всех, и все же, всецело принадлежит каждому. Так и с Иеговой, нашим небесным Отцом; так и с Иисусом, нашим Страшим Братом. Он любит нас особенной, личной, отдельной любовью, так, как Он не любил никого другого, но сохранил все Свое сердце для нас. Он посвящает нам каждую минуту, внимательно заботится о нас, склоняясь над каждым, денно и ночью, как если бы Ему не о ком было заботиться боле. Как сладко думать, что каждый из нас является особенным объектом такой личной связи, специфическим объектом такой неусыпной бдительности! Вот это манера любви! Теперь мы верим и уверены, что ни одно желание и ни одна печаль не будут упущены из виду.. Теперь мы знаем, что «все содействует ко благу», и что конец всему для нас окажется вечными светом и славой! «Ибо [только] Я знаю намерения, какие имею о вас, говорит Господь, намерения во благо, а не на зло, чтобы дать вам будущность и надежду». (Иеремия 29:11) «Как утешает кого-либо мать его, так утешу Я вас, и вы будете утешены в Иерусалиме». (Исаия 66:13) «Как отец милует сынов, так милует Господь боящихся Его». (Псалтирь 102:13)

Сладко осознавать, что общая любовь истекает и лона Отца ко всему счастливому дому Его спасенных. Но не менее сладко, когда, в особенности в день бедствия, размышлять о Его личной любви такой особенной для каждого. Блаженно отождествить себя с такой семьей, которая была бы счастлива в солнечном сиянии отеческой любви. Но и

блаженно иногда изолировать себя и осознать индивидуальную любовь, которая является нашим особенным наследием. Так чувствовала себя Невеста, когда говорила: «От благовония мастей твоих имя твое - как разлитое миро». (Песня Песней 1:2) «Я принадлежу возлюбленному моему, а возлюбленный мой - мне». (Песня Песней 6:3)

Так было, когда Дух Святой впервые открыл наши уши, чтобы мы смогли услышать повесть о любви – евангелие. Мы не искали Отчего дома и не полагались на Него, пока мы не оказались в Его объятьях. Так было, когда мы впервые приняли «дар Божий» и поняли любовь, которую провозглашал тот дар. И вестью было то, что мы оказались на своем месте в семейно кругу, вкушая обилие со стола нашего Отца и наслаждаясь теплотой Его улыбки. И как мы вошли, так и будем пребывать вовек, «укорененными и посаженными в любви», осознавая слова Иисуса: «Как возлюбил Меня Отец, и Я возлюбил вас; пребывайте в любви Моей». (От Иоанна 15:9)

2

ЖИЗНЬ СЕМЬИ

Они живут по вере. С этого они начинали, и этим они закончат. «Ибо мы ходим верою, а не видением». Вся их жизнь – это жизнь веры, их ежедневные действия – все по вере. Это формирует один из важнейших элементов их характера. Это выделяет их особенными людьми. Никто не живет так, как живут они.

Их вера для них это «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом». Это вроде замены для того, что мы видим или чем владеем. Она настолько сильно связывает их с невидимым миром, что у них появляется чувство осведомленности, что они живут посреди невидимого. Это приводит к тому, что будущее, далекое и неуловимое, становится словно настоящим – близким и реальным. Вера устраняет все препятствующее время. Вера истребляет всякое вмешивающееся пространство. Вера немедленно пересаживает сердце в горний мир. И то, что, мы знаем, будет потом, мы чувствуем, происходит уже сейчас. Отсюда и говорят о пришествии Господнем, как о чем-то, что вот-вот должно произойти. Мало того, к тому же о святых сказано, что их «жительство - на небесах». Бог их «посадил на небесах во Христе Иисусе» (Ефесянам 2:6) Они «приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства» (Евреям 12:22-23). И то, что должно будет произойти потом, выглядит так, как если бы это происходило сейчас. Они посажены в «небесных обителях», и смотрят на землю сверху вниз, на все ее тучи и облака, как на что-то, что находится неизмеримо далеко под их ногами. И что значит «нынешний лукавый век» для тех, кто уже находится над превратностями и вдыхает более чистый воздух?

Такова сила веры. Она отбрасывает назад все земное, все то, что люди называют близким и реальным. И это подводит к жизненно важной связи с душой то, что люди называют невидимым и далеким. Она отпирает нам небесные дворцы, их мимолетное великолепие, их небесную чистоту, их благословенный мир. Она показывает нам счастливые двory, компании полные гармонии, толпы поклоняющихся. Она также открывает нам уши, чтобы при лицезрении этих чудесных видов нам казалось, что мы слышим небесную мелодию, и даже улавливаем сами слова той новой песни, что они поют: «достоин Ты ..., ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле». (Откровение 5:9,10)

Более того, она указывает нашим очам то, что грядет: пришествие Господне, суд великого дня, совершение всего, царство непоколебимое, город, основания которого построены строителем и создателем – Богом. И вместе с тем, она придает невидимому тело и форму, которыми в наших глазах они не обладали. С другой стороны, она лишает видимое подобие превосходства и реальности, которыми оно было ранее окружено. Она сдирает с мира маску изумительного сияния, дает нам способность высмотреть, тонкий

слой маскировки, который скрывает свою нищету и подлость. Она не только отгоняет нависшую над нами тучу, которая мешает нам созерцать превосходство небес, но и помещает эту тучу под нас, чтобы противодействовать ошибочной яркости и недействительной красоте, которую накинуд на себя мир, чтобы скрыть внутреннее уродство.

Таким образом, вера дает нам способность осознать свое истинное положение пилигримов и странников на земле, которые ждут града, строителем и создателем основания которого является Бог. Именно в это Царство мы введены по вере в момент нашего обращения. Для чего тогда наше обращение – это поворот спиной к миру и прощение со всем тем, с чем так близко переплелось наше сердце? Тогда, подобно тому, как Моисей оставил все и пошел, не зная, куда он идет. Старые связи разорваны, хотя иногда их было трудно разорвать, сформированы новые, хоть и неземные. Мы начинаем оглаживаться вокруг себя и находить все новым. Мы чувствуем себя странниками – странниками в том самом месте, где мы так долго себя чувствовали, как дома. Но это наша радость. Мы покинули дом нашего отца, но мы стремимся к дому нетленному. Мы покинули этот мир, но стали сонаследниками царства вечного, сынами и дочерьми Господа Всемогущего. Мы покинули Египет, но на горизонте Ханаан. Мы в пустыне, но мы свободны. Наша участь – непроходимая пустыня, но мы движемся вперед под тень охранного облака. В скорби, но все же радуемся; в бедноте, но обогащая многих; ничего не имея, но обладая всем. Мы обладаем богатым наследием в обращении и долгой вечностью, которой можем наслаждаться без страха перед потерей, или переменой, или концом.

Если мы ходим верою, а не видением, то, что тогда может поколебать нас? Что может запятнать нашу радость? Разве это не исходит из того, что скрыто под занавесом? И какая песчаная буря сможет туда пробраться? Наша радость в Господе и нет сомнений в том, что Он неизменчив и не повернет. Мы знаем, что этот мир - не наш покой. Мы бы и не хотели, чтобы это было так, потому что этот мир загрязнен. Но наша радость в том, что Иегова – наш Бог, и Его обетованная слава – наше вечное наследие. Наша утреннее и вечернее пение следующее: «Господь есть часть наследия моего и чаши моей. Ты удержишь жребий мой. Межи мои прошли по прекрасным [местам], и наследие мое приятно для меня». (Псалтирь 15:5,6)

Отчего тогда мы, в чьи руки скоро отдадут чашу радости, должны кривляться от укуса и желчи? Отчего тогда мы, у которых есть друзья свыше, узы, которые не могут раствориться, должны быть безутешными при разрыве земных уз? Наш дом может быть пустым, наш домашний очаг может угасать, а сердце обливаться кровью, но это все непостоянно. И почему мы должны чувствовать себя оставленными, если вся эта радость удалась? Почему тогда мы, кто будет носить венец и унаследует все, должны вздыхать или волноваться из-за нескольких лет бедности или позора? Земной сон вскоре закончится, и тогда наступит день «пений и вечной радости» - долгая действительность блаженства! Иисус вскоре будет здесь. «Когда же явится Христос, жизнь ваша, тогда и вы явитесь с Ним во славе».

Должна ли беда поколебать нас? Нет, во всем этом мы больше, чем просто завоеватели, чрез Того, Кто возлюбил нас. Должна ли печаль сдвинуть нас? Вера рассказывает нам о земле, где не знают о печали. Сможет ли смерть святых сдвинуть нас? Вера говорит нам не скорбеть, как прочие, не имеющие надежды, ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и умерших в Иисусе Бог приведет с Ним. Могут ли сдвинуть нас боли и усталость этого хрупкого тела? Вера говорит нам, что в скором времени тленное станет нетленным, а смерть будет поглощена победой. Могут ли лишения сдвинуть нас? Вера говорит о том дне, когда бедность нашего изгнания будет забыта в изобилии нашего мирного, богатого дома, где мы больше алкать и жаждать не будем.

Может ли тревожная суматоха этой беспокойной жизни досаждать нам? Вера говорит нам о покое, который ожидает народ Божий - море стеклянное, подобное

кристаллу, на котором будут стоять искупленные святые – там нет потрясений, суматохи, крушений. Должно ли отсутствие почестей этого мира сдвинуть нас? Вера говорит нам о безмерном преизбытке вечной славы. Разве нам некуда преклонить голову? Вера говорит нам, что у нас будет дом, не место в доме Кесаря, обитель, хотя и не в граде земном. Страшно ли нам, когда мы смотрим на беспорядок и презренность этого плохо управляемого мира? Вера говорит, что «смерть – приобретение», и шепчет нам: «Что, боишься стать бессмертным, боишься перейти из этого состояния смерти, которую люди называют жизнью, на то единственное, что в действительности заслуживает имя!»

Такова жизнь семьи – жизнь веры. Мы живем невидимым. Наша жизнь сокрыта со Христом в Боге. И когда Он – наша жизнь – явится, мы появимся вместе с Ним во славе. Этот образ жизни совсем не от этого мира, а совсем напротив. И, тем не менее, она была у святых изначально. Это путь, по которому они шли, идя через пустыню, полагаясь на их Возлюбленного. И таким должно быть хождение святых до самого пришествия Господа. О, как много еще всего в этих мыслях об этом, не только для того чтобы примирить нас, но сделать так, чтобы мы радовались этому. Чтобы мы смогли сказать: «Я думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас». Ибо все принадлежит нам, будь то жизнь или смерть, настоящее или грядущее, все наше; ибо мы Христовы, а Христос Божий. Да, мы наследники Бога, и сонаследники с Иисусом Христом. «Это есть наследие рабов Господа, оправдание их от Меня, говорит Господь». (Исаия 54:17)

Мы не знаем прообраза или типа жизни семьи лучше, чем жизни семьи Авраама или Израиля в их блужданиях по пустыне. Посмотрите на Авраама. Он оставляет все по повелению Божьему. С этого начинается его жизнь веры. Он движется дальше, не зная, куда идет. Затем он временно пребывает в земле, которую ему дает Бог. Затем он жертвует Исааком. Затем он покупает себе гробницу, где бы мог возлежать его прах до самого дня воскресения. Все есть вера. Он работает и действует как странник. У него дома нет. У него есть только жертвенник и палатка, и это все. Свой жертвенник он строит там, куда идет со спокойным осознанием того, что грех его прощен и найдено прощение. Там же он разбивает и свою палатку день ото дня в знак своей истинной сути пилигрима и странника на земле. А что еще члену семьи надо внизу, кроме его жертвенника и его палатки, Спасителя для грешной души и покрова для хрупкого тела, пока не окончатся дни путешествия?

Или посмотрите на Израиль. Они оставили Египет. И началась для них жизнь веры. Затем они переходят Чермное Море. Затем их местом жительства становится пустыня. У них нет на этот момент своего города, в котором они могли бы жить. У них нет мясных котлов на данный момент – ничего, кроме ежедневной манны вместо еды. Нил остался позади. И все, что у них есть – это только камень, из которого для них струится вода. А вокруг пустошь. Потому каждый шаг необходимо делать по вере, а не по видению. Они одни с Богом, и весь мир остался далеко позади. Они сооружают жертвенник, они разбивают палатки, как это делал Авраам, с единственной только разницей – над их головами плывет дивное облако, подобно небесному своду, раскидывается над их жилищами, когда они отдыхают, или подобно ангелу-путеводителю, летит впереди них, когда Бог призывает их собрать свои палатки, и снова отправиться в путь. Более того, и чтобы представить положение семьи, как положение странника, Сам Бог, когда спустится в сретение их, местом обители выберет себе палатку. Она названа «скинией Господней», или более буквально «палатка Иеговы». Иегова разбивает Свою палатку бок о бок с палатками Израиля, как если бы Он и Сам был странником, скитальцем подобно им!

Это наша жизнь. Мы должны быть странниками с Богом, как и наши отцы. Это жизни пустыни, а не города. Но что нам с этого? Все хорошо. Иегова – наш Бог, и мы вскоре будем в Его «многих обителях». А пока у нас есть палатка, жертвенник и облако. Внизу нам больше ничего другого не надо. Все остальное хранится для нас на Небесах, «готовое открыться в последнее время».

3

ЗНАК ОТЛИЧИЯ СЕМЬИ

Семья, о которой мы говорим, собрана из каждой нации и расы, народа и языка. Семья эта состоит из «народа столь многочисленного, что по множеству его нельзя ни исчислить его, ни обозреть».

И все же это одна семья. Между всеми ее членами существует семейное сходство и фамилия, под которой их знают. У них много, чего общего, не говоря о том немногом, что общим просто быть не может. Они все окроплены одной кровью, и родились свыше одним Духом. Все они поют одну песнь, пользуются одним языком, радуются в одном утешении, и являются наследниками одного наследия. Единство характеристики, чувства и привычки на протяжении стольких многих лет и посреди стольких различных народов, выделяет их, как особенный народ и являет их отношение к Нему, Который «вчера и сегодня и во веки Тот же».

Но одна черта у них самая особенная из всех. И это в действительности знак отличия семьи. Они все несут крест. По это неизменной черте можно узнать каждого члена семьи. Все они несут крест. И они не прячут его так, как если бы стыдились его. Крест становится предметом их гордости. «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира». (Галатам 6:14) Иногда он легче, а иногда тяжелее; иногда в нем больше позора и страдания, а иногда меньше, но он все еще на них. Они несут его с собой, куда бы ни шли. И это всегда крест: не просто по названию, но в действительности. Иногда они представлены, как несущие крест, а иногда, как пригвожденные к нему, и все же это крест.

Они взяли его на себя впервые, когда уверовали в Иисуса, и все, что было у них, стало принадлежать Ему. Затем они оставили шатры этого мира, и вышли за врата, неся на себе позор Распятого Христа. Они последовали за Тем, Кто и крест нес, и пригвожден был к нему. И почему тогда они поникают от подобной участи? Разве могут они стыдиться Его? Разве не должны они, напротив, считать почетным последовать туда, куда Он проложил путь, и вынести ради Него некое сходство того, что Он вынес за них? Разве можно в этом мире что-то еще считать более ценным, более почетным, чем крест их возлюбленного Господа? Мир высмеивает и презирает его, но это крест Христов; и для них это все. Святой дней ветхих, несущий крест в прежние времена, сказал: «О, благословенный крест Христов, нет древа подобного тебе!»

К тому же, на то была воля Учителя. Он дал заповедь каждому нести крест. «Кто же сказал: если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною». (Луки 9:23) «И кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня». (Матфея 10:38) Тогда крест является знаком отличия для учеников его, и последователю без такого знака отличия никак нельзя. Эти две вещи неразделимы. Бог соединил их, и человек разлучить их не сможет. Ни крест, ни святых. Ни крест, ни Сына. Мы должны нести Его крест всю свою жизнь. Мы должны быть крещены Его крещением.

Мы должны вынести Его позор. Нам необходимо облачиться в Его стыд. Плоть должна быть распята с ее страстями и похотями: наши члены необходимо умертвить. Наш ветхий человек должен занять место позора. Мы, в ком все еще остается плоть, хотя и сломлено ее правление, должны желать выглядеть изгоями и преступниками перед миром, как и Иисус, когда Он понес наши грехи на Лобное Место. Тогда Иисус своей собственной рукой возлагает крест на каждого приходящего к Нему и говорит: «Возьми его и следуй за Мной. Возьми его и претерпи позор за Меня. Возьми его, и почитай все тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа твоего. Возьми его, и будь готов попасть в темницу или даже пойти на смерть за Меня, не считай свою жизнь драгоценной для себя, чтобы ты смог последовать за Мной до конца и принять неувядающий венок». Научись выносить крест и презирать позор.

Но далее, у нас есть также пример Учителя, и утверждение Его воли касательно этого. Я не просто имею в виду, что Он висел на кресте. Я не ссылаюсь просто на факт Его распятия. Я имею в виду нечто гораздо большее. Это было ничто иным как заключительной частью целой распятой жизни. Он нес крест уже с того самого первого часа, когда был положен в ясли. Всю Свою жизнь Он нес крест. Его жизнь была ничто иным, как паломничеством к Голгофе с крестом на плечах. Традиция говорит нам, что когда Он вышел из Судебного зала, Его повели по дороге «виа долороса», что означает печальный или грустный путь на Голгофу. Но в действительности, весь Его путь на земле был путем скорби. И от самых яслей до самой Его смерти этот путь был исполнен позора и печали. Это была страдальческая жизнь. Его смерть была ничем иным, как итогом Его многих скорбей, как если бы собирать их все вместе и прессовать сразу в Его чашу до тех пор, пока не лопнет сосуд, из-за того, что больше выдержать не может. И тогда для Него крест, позор и скорбь закончились навек. Но для нас крест все еще остается.

На протяжении всей Своей жизни Он был «мужем скорбей». Он был «изведавшим болезни». И здесь мы видим нечто большее в знаке отличия семьи, как это было показано Старшим Братом. Изведавшим болезни! Такое описание дано нам об этом. Если мы один раз пришли к кому-то в гости, еще не означает, что мы уже «извели» - познакомились с этим человеком. Партнерство является результатом продолжительной беседы. И так, изведать одну болезнь, еще не означает изведать все болезни, какими бы глубокими и острыми ее боли не были. Для этого необходимо ежедневное, ежечасное общение. Таким было это для Иисуса. Тридцать три года общения со скорбью взрастили сильное знакомство с ней. И так должно быть и с нами. Святые – это все еще мужи скорби. И их знакомство со скорбью должно поддерживаться ежедневным общением. Ученик не больше своего учителя, и раб не больше Господина своего. Мы не должны помышлять о каких-либо других процессах, чем о тех, через которые прошел. Он совершился через страдания, так должны и мы. В таком отношении Виновник нашего спасения является образцом и примером спасенных Его. Мы всегда должны нести «в теле мертвость Господа Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в теле нашем». (2-е Коринфянам 4:10)

Это Агнец, за Которым мы следуем: «Агнец как бы закланный». Это уж точно совсем ясно говорит о семейном знаке отличия. Мы – последователи Человека с пронзенными руками и ногами, Человека, покрытого следами от ударов, плетей и плевков, Человека с терновым венцом. Да, Он – наш Старший Брат. Он – кость от нашей кости и плоть от нашей плоти. И если мы видим так отчетливо семейный знак отличия на Нем, должны ли мы сникать принять все это и связать в триумфе, как драгоценный камень на нашем лбу – как венец на нашей голове? Конечно же, багряница насмешки может соответствовать нам лучше, чем это подходило Ему.

Есть только один знак отличия, по которому изначально Он отличался, как в Эдеме было предсказано о семени женщины. Это «ужаленная пята». То есть, в действительности, только другой путь выражения его характера в качестве страдания, распятый Сын Человеческий. Это было знаком, данным Богом, благодаря которому Его могли узнать. Однако именно этот знак стал камнем преткновения, об который преткнулся Израиль.

Они не смогли узреть умирающего Спасителя. Им не симпатизировал смиренный Иисус. Они не могли покончить с ужаленной пятой. Именно из-за того знака, которым Бог отметил Его как Мессию, Израиль отверг Его. И все же, мы радуемся в ужаленной пяте. Человек с ужаленной пятой завоевал наши сердца. Именно за Ним мы следуем. И Его ужаленную пяту мы гравирруем на нашем знамени, как самый почетный знак отличия.

Ту же участь мы должны ожидать и здесь. Нас тоже будут жалить. И мы не стыдимся этого. Все святые до нас прошли через это. Разве мы лучше их? Разве воины последних дней должны стыдиться униформы, которая прославляла войско святых на протяжении шести тысяч лет?

Очень примечательно, что апостол указывает, что скорбь – это знак истинного Сыновства. В действительности, он делает из него семейный знак отличия. К тому же, он испытывает им наши законные права. «Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами. Ибо есть ли какой сын, которого бы не наказывал отец? Если же остаетесь без наказания, которое всем обще, то вы незаконные дети, а не сыны». (Евреям 12:7,8) Сильно сказано! Если бы какой-нибудь другой сказал это, а не вдохновленный апостол, то был бы выражен справедливый гнев против такого абсурда и экстравагантности. Давайте, однако, воспринимать это таким, каким оно есть, ибо мы знаем, что это высказывание выражает ум Божий. Тогда наказание – в действительности одно из главных отличий нашего законного и почетного рождения. Если бы таких черт на нас найдено не было, то нам бы не хватало одного из доказательств нашего сыновства. Наша законнорожденность бы тогда подверглась сомнению. Можно было бы сказать, что Он не признал нас как законнорожденных детей, либо, что Он так и не принял нас такими, либо, что Он отверг нас. Для удостоверения наших претензий на право рождения и для прощения о родительском признании со стороны Бога нашего Отца, должен быть семейный знак отличия.

Это священная мысль. Плоть и кровь сникают от нее. Мы смотрим вокруг и ищем, нет ли пути избавления, и когда его нет, спрашиваем, должно ли быть так. Да, так должно быть, как мы вскоре увидим, и попытка избежать этого тщетна. Все же, это также и благословенная мысль. Она поддерживает нас при бедствиях, помогает нам помнить, что это Отцовская печать запечатлена на законнорожденных сынах. О! Как мысль, что это по-настоящему ходатайство по нашему божественному усыновлению, облегчает этот груз.

Тогда мы не должны рассчитывать внизу на яркие дни, и думать о том, что сможем благополучно пройти путь по этой милой земле, как если бы наша жизнь не была «тенью сна». Мы должны ожидать радости изнутри – «радости неизреченной и преславной», ибо такова доля семьи. Но радость извне, радость сияния земли, радость беззаботности и изобилия мира, радость неразрывных уз и невыплаканных очей – не может быть нашей долей в этой долине слез.

Все же посреди вечно бодрствующих бурь, чрез которые мы переходим в царство, есть мир – глубокий мир – слишком глубокий, чтобы до него могла добраться любая буря земли. В мире у нас скорбь, а с Иисусом у нас мир. «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается». (Иоанна 14:27) И именно это придает особенный аспект святым – аспект смешанной радости с печалью. Глаз наполнен слезой, и все же, смотрите! блестит от радости. Есть выражение мрачной мысли, однако мир кружит вокруг нее. Облака бросают тень на них, но на каждом облаке мы видим, как покоится луч солнца золотого.

Их «мир подобен реке». Он не застойный подобно озеру, не беспокойный словно море, но всегда в спокойном движении, всегда течет по своему глубокому руслу подобно реке. Русло может пролегать иногда через скалы, иногда через ровные долины, иногда через рощи кустарников, иногда мимо кукурузного поля или «долины виноградников», и все же беспрепятственно оно движется вперед. Это может быть ночь или день, это может быть зима или лето, это может быть буря или безветренная погода, но он всегда там –

течет вперед до тех пор, пока объятия океана не примут его. Вот, какой у нас мир! Давайте, твердо держаться его.

Нет больше нужды в том, чтобы прятать наш мир, как и наш крест. Пусть мир видит и то, и другое и увидит, как эти два понятия гармонируют. Потому что именно крест придает миру такой сладостный и подходящий оттенок. Посреди слез печали мир держится своего тихого места подобно радуге на брызгах фонтана; и никто не сможет сдвинуть его оттуда, пока луч сияния Иеговы покоится на душе. «И делом правды будет мир, и плодом правосудия - спокойствие и безопасность вовеки».

4

ДИСЦИПЛИНА В СЕМЬЕ

Бог нам повелевает: «Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится». Кроме того, это принцип, по которому Он действует Сам со своей Церковью. Здесь Он обучает Своих детей. Это истинный характер Его дел с ними. Образование Его святых всегда стояло на первом плане перед Его взором. Это обучение для царства. Это образование для вечности.

Насколько тогда обучение имеет большое влияние! Именно Бог проводит это обучение посредством Духа Святого. Именно Церковь, являющаяся Телом Христовым, является предметом этого обучения. И это для того, чтобы подготовить ее для вечного царства! Чтобы привести многих сынов к славе, было нужно, чтобы Бог даже вождя спасения их совершил через страдания. Конечно же, тогда Бог ставит большое ударение на эту дисциплину. По Его мерам дисциплина не является неважным и бессмысленным упражнением. Зная это, апостол увещевает нас именно по этой теме: «Сын мой Сын мой! не пренебрегай наказания Господня». Оно слишком свято, чтобы им можно было пренебрегать. Подготовка наследника славы зависит от этого.

Эта дисциплина начинается при нашем обращении. Она начинается с того момента, как мы взяты в семью. «Бьет же всякого сына, которого принимает». Это не всегда видно. И не всегда мы сознаем эту операцию. Не говоря уже о том, что это началось в тот самый день, когда мы были «рождены свыше к живой надежде».

Она заканчивается с жизнью или в случае последнего поколения Церкви, когда восхищены будут на облаках в сретение Господу на воздухе. Это процесс на всю жизнь. Это ежедневная, ежечасная дисциплина, которая не предполагает остановок. Не всегда применяются розги, но дисциплина все равно продолжается.

1. Это дисциплина любви. Каждый шаг – доброта. Нет ни гнева, ни мести в любой части процесса. Дисциплина в школе может быть строгой и суровой, но это только от любви к семье. Мы в этом полностью уверены. И не выразить того утешения, которое это приносит. Любовь нам никогда не навредит. Напрасных страданий не будет. Если бы только об этом помнили, то среди людей было бы меньше тяжелых мыслей, даже когда Он бьет сильнее всего. Не знаю иллюстрации горче того, какими должны быть чувства святого в час горечи, случая с отцом Ричарда Камерона. Престарелый святой находился в тюрьме «за слово Божие и за свидетельство Иисуса Христа». Бесчувственные гонители принесли ему истекающую кровью голову его сына, и его спросили с издевательствами, узнает ли он ее. «Я знаю ее, я знаю ее», - сказал отец, целуя искалеченный лоб своего любимого сына, - «Это голова моего сына, моего дорогого сына! Это Господь! Блага воля Господа, Который не может навредить ни мне, ни тому, что принадлежит мне, но Который сделал так, что благодать и милость сопровождают нас все наши дни».

2. Это дисциплина мудрости. Он управляет всем, и о Нем сказано: «Только Бог мудр». Какая глубокая мудрость тогда должна быть во всех Его делах! Он точно знает,

что нам нужно и как это нам дать. Он знает, какое зло есть в нас, и как от него нас избавить лучше всего. Его обучение не беспорядочно. Оно происходит с помощью изысканного навыка. Время, способ и инструмент даны согласно совершенной воли Божьей. Выбрано наиболее подходящее время, тот самый момент, для которого была призвана дисциплина, и когда она принесет наибольшую пользу. Был разработан несомненный, наиболее прямой и в то же самое время спокойный метод. На вооружение был взят инструмент, который будет самым надежным, и все же, самым безопасным, самым эффективным, и все же, наименее болезненным. Ибо все есть мудрость в дисциплине Божьей.

3. Это дисциплина верности. «По верности Ты наказал меня», - говорит Давид. Все является действиями верного Бога – Бога, Который верен нам так же, как Он верен и Себе. Соломон говорит: «Верны укоризны от друга». И верующий в беде познает верность самых настоящих друзей. Он настолько верен, что не пройдет мимо ошибки, которую Он видит в нас, но даст нам о ней знать, чтобы мы могли исправиться. Он дал повеление Израилю: «Не враждуй на брата твоего в сердце твоём; обличи ближнего твоего, и не понесешь за него греха». И Сам Он поступает согласно тому повелению, которое Он дал. Он – слишком верный Отец, чтобы терпеть грех в Своих неисправленных детях. Он искренен к нам, будь то добро или зло. Разве можем мы говорить, что Он более искренне и верен к нам, когда причиняет зло, чем когда изливает добро? Так и с наказанием Божьим. Он верен, когда благословляет, и еще более верен, когда наказывает. Это несомненно утешение. Это может подавить все ворчания и установить мир в наших сердцах.

4. Это дисциплина силы. Нельзя сбить с толку или заставить бросить Свой план Того, Кто претворяет ее в жизнь. Он способен претворить эту дисциплину в жизнь в самых неблагоприятных обстоятельствах и, не смотря на самое решительное сопротивление. Все должно расступиться перед Ним. Эта мысль для меня, должен признаться, является одной из самых утешительных мыслей, связанных с дисциплиной. Если бы это не получилось! Если бы Бог был бы разочарован в Своих планах после всего того, что мы выстрадали, это было бы ужасным! Быть избитым и страдать от боли от руки того, кто не способен делать для нас доброе, значит только добавить еще больше непостижимой горечи скорби. И тогда наши сердца стали бы настолько твердыми, наша воля настолько упрямой, что никакими средствами бы Всемогущий не смог добиться желаемой перемены. О, когда душа борется с собой, сражается в отчаянной битве со своими бушующим похотями, когда плоть восстает во всей своей силе и отказывается покориться, когда кажется, что все сердце стало стальным и непреклонным, тогда благословенней всего думать о Божьих наказаниях, как о дисциплине силы! Именно она уверяет нас в том, что все еще будет хорошо, и именно в силе этой уверенности мы подпоясываемся для сражения, зная, что мы должны быть более чем просто завоеватели через Возлюбившего нас.

В этих делах может быть любовь – любовь к самым удаленным, и все же все будет тщетным. Ибо зачастую любовь беспомощна, неспособна выполнить необходимое для объекта любви. Здесь также может быть мудрость, и все же может показать себя полностью неэффективной. Здесь может также быть неустанная верность, но безрезультатно. Кто-то может тщетно бороться в самых искренних попытках благословить. Но когда начинает действовать безграничная сила, несомненно для нас, каждое препятствие будет устранено, и все же, что считалось таким благословенным наверняка пройдет. Моя постель больного может быть с любовью застелена, сделана наиболее искусно, присмотрена самыми верными друзьями. И я могу сладко успокоиться нежной и неутомимой заботой. И все же, если бы не было силы исцелять, неборимой энергии, которая бы сметала преграды перед ней, тогда я бы все еще безнадежно лежал там. Но если присутствует сила исцелять, сила, при прикосновении к которой

улепетывают все болезни, сила, которая, при надобности, может и мертвого воскресить, тогда я знаю истину, что все хорошо.

О, благословенно и утешительно помнить, что именно дисциплина силы действует на нас! Божье лекарство должно преуспеть. Нельзя потерпеть неудачу или разочароваться даже в самых больших усилиях, даже в отношении к самым незначительным объектам. Именно могучая сила Божья действует в нас и на нас, и в этом наше утешение. Это хватка безграничной руки на нас, и ничто не может противиться ее давлению. Все есть любовь, все есть мудрость, и все есть верность, и все же, все есть сила. Таким образом, сама вероятность неудачи снята с повестки дня. Если бы не эта сила, тогда бы не было уверенности в благословении, и если бы не эта уверенность, тогда какой бы бедным и частичным было бы наше утешение! О, да, Тот, Кто наказывает нас «может сделать несравненно больше всего, чего мы просим, или о чем помышляем» (Ефессянам 3:20)

Отсюда к душе, осознавая полную беспомощность и изнывая от внутренней борьбы между духом и плотью, существует «твердое утешение» в памяти силы Его. Божья рука теперь держит его так крепко со всех сторон. Его жестоко избитый дух находит покой в призыве к вспоминанию о «делах Господа» - «о чудесах древних». «Крепость Израиля» - имя, в котором он радуется, как имя его Воспитателя. Так он напоминает себе: «Бог, сотворивший небеса и пространство их, распростерший землю с произведениями ее, дающий дыхание народу на ней и дух ходящим по ней, - это Бог, наказывающий меня. Тот, Кто поднимает и успокаивает могучие глубокие воды и волны, Бог бедствий и землетрясений, «творец света и тьмы, властелин молнии и архитектор вечных холмов» - это Бог, Который теперь прилагает ко мне Свой жезл». Таким образом, всякое новое доказательство или аспект силы Иеговы становится новым источником утешения в день наказания и печали.

Итак, тогда рассматривается природа семейной дисциплины с ссылкой на Бога. Любовь, мудрость, верность и сила объединяются в продумывании и осуществлении этой дисциплины. И тогда она должна стать совершенной дисциплиной, самой полной и самой удачной, о которой можно было бы только подумать или которую только можно было бы пожелать. Хорошо смотреть на дисциплину в таком свете. Потому что только таким образом мы полностью удовлетворены всем тем, что происходит, и мы чувствуем, что все хорошо. Но давайте, поразмышляем над другим аспектом. Мы уже видели, на что дисциплина похожа, когда она исходит от Бога. Давайте, теперь рассмотрим, на что она похожа, когда исходит от человека.

Как мы ранее уже заметили, Божья цель в наказании – образование для Его детей, обучение святых. Именно их несовершенное духовное состояние делает это настолько необходимым. И теперь мы продолжим исследовать, каким образом это происходит, и на какие области души это в особенности направлено. Пока, несомненно, образование охватывает всю душу во всех ее частях и силах, было бы неплохо рассмотреть это, как нечто особенное, в работе над ее разумом, ее волей, ее сердцем и ее сознанием.

1. Это тренировка разума. Мы по своей природе плохо поддаемся обучению. Мы невежественны, мы не только ничего не знаем, но и не желаем что-либо знать. Отсутствие дискомфорта день процветания приумножает зло. Наконец, вмешивается Бог и заставляет нас учиться. «Розга и обличение дают мудрость; но отрок, оставленный в небрежении, делает стыд своей матери» (Притчи 29:15) Он посылает испытание, и это заставляет нас учиться. Вся наша неспособность учиться улетучивается. Мы обнаруживаем свое невежество. Мы ищем назидания свыше. И Бог начинает нас наставлять. Свет изливается на каждую часть. Мы изумительно возрастаем в познании. Теперь мы познаем значение слов, которые до этого мы просто использовали как знакомые звуки. Писание сияет перед нами новым сиянием; оно осияет нас. Кажется, что у каждого стиха свое собственное сияние. Темные места становятся светлыми. Каждое обетование освещается великолепием. Трудно понимаемые вещи за одно мгновение стали ясными.

Как быстро мы учимся в день скорби! Именно скорбь пробуждает в нас наши силы и придает им новую свежесть восприятия. Мы дальше продвигаемся в познании Писания за один, чем за целый год раньше. Мы учим «песни в ночи», хотя эта музыка была ранее неизвестной. Более глубокий опыт погружает нас в самые глубины Писания, и являет нам сокрытые чудеса. Лютер говорил: «Если бы не скорбь, я бы Писание не понимал». И всякий скорбящий святой может соотнести себя к этому, как если бы сам испытал истину этого высказывания – испытал это, как Давид, когда он говорил: «Блажен человек, которого вразумляешь Ты, Господи, и наставляешь законом Твоим» (Псалтирь 93:12) «Благо мне, что я пострадал, дабы научиться уставам Твоим». (Псалтирь 118:71) Вот это учение, вот это обучение разума происходит в постели больного или под гнетом скорби! И, о, какие замечательные и чудесные истины даже некоторые маленькие беды шепчут на ухо душе, что является «познанием Отца».

В некоторых случаях едва ли можно уловить их пользу, по крайней мере, в продолжительности самого процесса. Нам кажется, что мы ничему не научились. Печаль преисполняет нас. Отчаяние оглушает нас. Мы в замешательстве, нервничаем, возбуждены или, возможно, бесчувственны. Похоже, что мы не извлекаем пользы. Но уже вскоре мы начинаем чувствовать благословенные результаты. Зрелость в суждениях, терпение в выслушивании гласа Божьего, более сильный аппетит к Его Слову, скорое понимание его смысла – вскоре это осознается благодатными результатами наказания. Разум был подвержен более тщательной дисциплине, и более того, проделал удивительный прогресс в познании божественной истины посредством учения Духа Святого.

2. Это тренировка воли. Эта воля является местом непокорности. В этом месте происходит война. «Плоть противится духу, а дух противится плоти». Во время обращения воля склонена в правильном направлении, но все равно она искривлена и неподатлива. Непокорность все еще там. Благополучные дни иногда запечатывают ее так, что мы даже не осознаем ее силы. Но она все равно существует. Необходим жар печи для смягчения и сковывания этого. Легкого избавления здесь и быть не может. Как говорит один страждущий святой: «Необходима вся Божья энергия, чтобы склонить мою волю к Его». И все же это должно быть сделано. Воля – это цитадель души. Отсюда, особенной целью в наказании Божьем является воля. Он разжигает одно пламя за другим, чтобы смягчить ее. Он раздувает жар мехами, чтобы достичь необходимой прямоты. Он не будет отдыхать, пока не сделает ее полностью гибкой и не выбьет молотом многие ветхости собственного «я», которые содержатся в ней. Он не уберет Свою руку, пока тщательно не заштрихует все наши собственные планы и не покажет нам на глупость наших собственных путей.

Это в особенности касается длительных испытаний. Когда это испытание приходит удар за ударом в печальной последовательности или когда один страшный удар оставил позади себя такие последствия, что возможно, даже года не смогут полностью ликвидировать. Склонение и выпрямление воли зачастую являются длительным процессом, в течение которого душа должна пройти через многие глубокие воды, чрез многие жаркие огни. Похоже на то, что продолжительные испытания в особенности направлены на волю. Избавиться от ее упрямства и своенравия можно только посредством длительной последовательности испытаний. Лишь только постепенно она становится пластичной и гармоничной с волей Божьей. Одним ударом мы можем обрезать невидимую ветвь. Но чтобы правильно наклонить само дерево, нам требуется время и прилежные занятия месяцами или годами. Однако воля должна сдать свои позиции. Какой бы гордой, какой бы твердой она не была, ее необходимо сломить. Бог не оставит ее в покое, пока не сделает ее полностью Своей. Немецкий писатель говорит: «Характер есть полностью обученная воля».

Это тренировка сердца. Пульсация человеческого сердца ложна для Бога. Она истинна ко многим вещам, но фальшива к Нему. Когда впервые Дух Святой прикасается к

нему, и показывает ему «преизобильное богатство благодати Своей», тогда в какой-то мере оно становится истинным. Все же, только частично. Большею частью лживость сердца остается. Оно слишком сильно прилипает к творению. Оно держится за прах. Сердце не принадлежит Богу всецело. Но так быть не должно. Богу нужно сердце. Должен ли я говорить, что оно должно стучать только по направлению к Нему. Он ревностно относится к нашей любви, и печалится при его немощности. Именно любви Он желает, и ничто иное, кроме истинной любви от всего сердца, не сможет Его удовлетворить. Ради такого сердца Он наказывает.

Эти ложные биения сердца. Эти следования за другими целями, кроме Него Он не может вынести, но должен исправить или иначе откажется от Своих претензий. По этой причине Он бьет и не щадит, пока не заставит нас почувствовать свою вину в этом отношении. Он срывает листья, красота которых привлекает нас. Он срезает цветы, аромат которых восхищает нас. Он рвет одну струну за другой на гуслях, музыка которых очаровывает нас. Затем, когда Он покажет каждый предмет земли в своей наготе и своем несовершенстве, тогда Он представит Себя нам во всей яркости Его собственной непреходящей славы. И так Он завоевывает сердца. Так Он делает его истинным для Себя. Так Он стыдит нас за наше лонное сердце, которое мы якобы отдали Ему и Сыну Его любви.

Однако это нелегкий процесс. Эта тренировка трудна и болезненна. Сердце на ней кровоточит. Все же, тренировка должна продолжаться. Ни одна часть не должна рассчитывать на пощаду. Этот процесс не остановится, пока не будет завоевано сердце! Если Наказывающий уберет Свою руку до того, как на это будет оказано воздействие, куда тогда отправится Его любовь? Какая бедная, какая глупая страсть! Он знал об этом, когда говорил: «оставьте их». И это было последним, на что согласилась Его любовь, после того как все остальное не получилось. Одно из самых острых, болезненных слов, которые Он когда-либо говорил Израилю: «Во что вас бить еще, продолжающие свое упорство?» Давайте, помнить об этом и не колебаться, даже когда сердце кровоточит. Давайте, помнить об этом, и стремиться укоротить печаль, радостно соединившись с Ним в Его плане для поручения Ему всего нашего сердца. И не надо жалеть его. Он воздаст «доброй мерой». Его любовь станет слаще, она будет вечно пребывать и удовлетворять нас. Таким образом, хорошо для нас быть обученным в любви к Нему здесь, с Которым в любви и неразрывном общении мы проведем день вечный.

Это тренировка совести. Иссохшая совесть – наследие грешника. На нее в первую очередь полагает Свою руку Дух Святой, когда Он пробуждает душу от ее сна смерти. Он прикасается к совести, и затем наступает борьба обличения. Затем умиряет ее, брызнув на нее кровью, показывая ей Иисуса и Его крест. Затем, вкусив прощение, она получает покой от всех тревог и страхов. Мысли о покое Дух вдохнул в нее в тот момент, когда она увидела кровавую жертву. Она больше не дрожит, потому что она видит, что причина ее трепета и причина, по которой кровь Христа говорит о покое, одна. «Грехов их и беззаконий их не вспомяну более». Таким образом, она смягчена. Ее первые страхи при пробуждении назвать смягчением нельзя. Но теперь осознанное прощение и осознанный мир с Богом для нее стали подобно нежному дыханию весны для зимнего льда. Она стала мягкой и нежной. Хотя так и частично.

Божье желание, однако, - это сделать ее полностью нежной. Он хочет, чтобы она была чувствительной по отношению к прикосновению греха, и в самых искренних ее одышках в погоне за совершенной святостью. Чтобы повлиять на это, Он причиняет боль, и боль проникает прямо в дом к совести. Смерть сына вдовы из Сарепты сразу же пробудила ее совесть, и она возвала к пророку: «что мне и тебе, человек Божий? ты пришел ко мне напомнить грехи мои и умертвить сына моего». (3-я Царств 17:18) Итак Бог посредством наказания полагает Свой перст на совесть, и немедленно возвращает ее в новую жизнь. Нам было дано почувствовать, как если бы Бог ныне же спустился к нам, как если бы сейчас смотрел в наши сердца и проводил детальное исследование. Более

того, мы видим в этой скорби Божью оценку греху. Конечно же, не всю оценку. Нет, это мы можем полностью узнать только от страданий Иисуса. И все равно от этого нового вида горьких плодов греха мы собираем нечто от Его сознания о грехе. Это наставляет нашу совесть, производя знание о грехе в часть опыта – опыта, который зависит от каждого нового испытания. «Если же они окованы цепями и содержатся в узах бедствия, то Он указывает им на дела их и на беззакония их, потому что умножились, и открывает их ухо для вразумления и говорит им, чтоб они отстали от нечестия». (Иов 36:8-10)

Как мало нежности в совести в эти последние дни! Кроме одного названия, мир больше ничего об этом не знает. Это мир без совести! И насколько мы находим Церковь Христову участником грехов этого мира! «Дурные сообщества развращают добрые нравы». Печально это наблюдать во многих святых, среди большого рвения, энергии любви, отсутствие нежной совести. За это Бог и бьет нас, и будет бить еще сильнее до тех пор, пока наша совесть не станет полностью нежной и чувственной ко всему, «ненавидя даже одеяния, запачканные плотью». Эта тренировка совести – знаменательный момент, ни на что не похожий из того, чем он многим кажется. Бог не найдет Себе покоя пока не совершит ее. И если святые и дальше будут продолжать игнорировать ее, если они не начнут искренне просить о ней и бороться против всего того, что может привести к жестокосердию и бесчувственности, они могут ожидать самые сильные удары, которые когда-либо наносила рука Божья.

Вот тогда какая дисциплина семьи! Мы видели ее так, как она исходит от Бога, и мы видели, как она воздействует на человека. И разве не хорошо все это? Что же в этом есть такого, что может заставить нас молчать или вызвать ворчание на устах или в сердце? То, что открывает нам так много о Боге и позволяет нам лучше познать тайны Его сердца, должно быть благословенно, однако тяжело снести. То, что открывает нам зло внутри нас, что делает нас способными для научения и мудрыми, что придает негибкой воле гибкость и послушание, что учит холодное сердце любить и растягивает каждую суженную страсть, что растапливает черствую совесть, превращая ее в нежную чувственность, что подготавливает всю душу для прославленного царства – должно быть, воистину, драгоценным.

К тому же, в том воля Отца. И разве только этого одного недостаточно для верного чада? Разве наказание не является просто одним из методов, которым Он доносит до нас то, кем бы Он хотел, чтоб были мы? Разве Его путь в царство не является самым безопасным, точным, и коротким? Нас все еще направляет отеческая рука. Что тогда в стремлении поднять нас на более высокий уровень должно держать нас твердой рукой или же более грубой хваткой? Отеческий голос все еще «обращается к нам как к детям» - дорогим детям – только более громким и твердым тоном призвать к послушанию Своих слишком беспечных сыновей.

Я бы сделал еще одно замечание касательно этой дисциплины семьи. Дисциплина никогда не задумывалась для того, чтобы разделить их с их Богом или же бросить на их души тень сомнения о сердце их Отца. Я знаю, что случалось иногда. Но то, что никогда так не задумывалось, я убежден на все сто. Это не является одним из испытаний на сыновство. И должно ли тогда то, без чего мы не считаемся сыновьями, заставить нас сомневаться в нашем сыновстве или подозревать Бога в том, что Он не любит нас? Эта любовь все время, будь то в печали или в радости, заявляет о нашей простой, точной, мирной уверенности. Она во все времена одинакова, и наказание – ничто иное, как более искреннее выражение ее безграничной искренности и глубины. Давайте воздадим ей должное, и Тому, из Которого изливается она. Давайте не поступать неверным образом с тем, что слишком часто оказывается в наших неблагодарных руках. Давайте остерегаться «падения от благодати» в то самое время, когда Бог спускается к нам раскрыть перед нами еще шире, чем перед всеми сокровищами Его благодати. Мы познали и поверили в любовь, которой Бог возлюбил нас» - должно быть нашей песнью. Это всегда должно быть семейным гимном! И разве должны мы перестать петь или гасить ее в то самое

время, когда мы должны петь ее громче и сильнее всего? Разве испытание не должно просто вытянуть из нас триумфальную хвалу апостола: «Кто отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч? как написано: за Тебя умерщвляют нас всякий день, считают нас за овец, [обреченных] на заклание. Но все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас. Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». (К Римлянам 8:35-39) Потому что, разве не тогда, когда мы были под наказанием, мы вошли в действительность утешения, верность любви и радость небесного общения способами незнакомыми и невообразимыми ранее?

5

ЖЕЗЛЫ СЕМЬИ

Мы слышим о «жезде нечестивых», и нам сказано, что он не будет оставлен «над жребием праведных» (Псалтирь 124:3). Это может означать, что нечестивые – Божий жезл для наказания Его народа, и что, хотя, и разрешено пролить свет на них, он не будет оставлен или пребывать на них, но будет разрушен, как это было с Ассирийцами, которые были использованы Богом как «жезл гнева Его» для бичевания Израиля. В этом отношении это дает нам блаженную уверенность в том, что триумф нечестивых над святыми недолог, что их замыслы и угнетения будут длиться только мгновение, и что страдания Церкви от их рук вскоре закончатся. Нечестивые могут быть мечом Божиим (псалом 16:13), как был Пилат, когда он поднял свой меч против человека, другом которого был Сам Иегова, или как Ирод, когда он обезглавил Иоанна в темнице; но этот меч вскоре будет сломан. Ныне ранить, и затем поразить, но это все, на что способен такой меч. Он не двинется и не разит без позволения Божьего. И никогда такой меч не появляется без благословения на конце. «Но не этого они для нас хотели», так Бог хотел, и этого достаточно для нас. Он превращает гнев человека в похвалу Свою. «Никакого зла не произойдет с праведным, услышит он о злом приливе и не устрашится».

Но «жезл нечестивых» может означать тот жезл, которым Он разит нечестивых всем Своим яростным гневом. В таком значении, тогда нет никакого жезла для праведного. Такой жезл никогда не останется и никогда не пребудет на них. Их жезл – это не жезл нечестивых. Это жезл семьи. У них нет ничего общего с гневом. На них ни одно проклятие не может пребывать. «Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе». Может показаться, что жезл говорит о хмурости или гневе, но это только кажется. Нет и искры ненависти в очах Воспитателя. Это исправляющей жезл, но не губящий. Его цель не покарать, а воспитать; не навредить, а благословить. «Часто ли угасает светильник у незаконных, и находит на них беда, и Он дает им в удел страдания во гневе Своем?» (Иов 21:17), но это не для святых.

Однако, у Бога есть не один жезл для Своих детей, но много. Ибо для каждого чада у Него особенный жезл, и в разное время Он использует разные жезлы. Для нас будет полезным рассмотреть все эти жезлы, и как их можно применить.

1. Болезнь тела. Тело очень сильно влияет на душу, как положительно, так и отрицательно. Мы не можем сказать, каким образом, и до какой степени. Не то, что бы мне вообще не хотелось обсуждать этот вопрос. Но, зная, как на душу воздействует тело, ничего не могу поделать с собой, как только думать, что один из Божьих замыслов касательно болезни – это воздействовать на душу посредством тела. Мы этого не осознаем. Мы не можем проанализировать процесс. И результаты сокрыты от нашего взора. И все же, похоже на то, как если бы болезнь тыла была создана напрямую для укрепления здоровья души каким-то или другим образом, известным только одному Богу. Вот почему апостол говорит: «сделавшего такое дело предать сатане во измождение

плоти, чтобы дух был спасен в день Господа Иисуса» (1 Коринфянам 5:5) Однако мои мысли не вращаются только вокруг этой точки. Только было бы хорошо для нас учитывать, не приближает ли Бог к нам крайнюю опасность потакания нашей плоти, ибо ослабление плоти помогает укреплению духа. И умертвление наших членов, которые находятся на земле, распятие плоти с нашими страстями и похотями, склоны оживотворять и вдохновлять душу. Кроме этого, однако, необходимо принимать во внимание и другие вещи.

Болезнь истощает нас. Она рубит до самого центра нашей плотской природы. Она обличает во всем их несовершенстве «похоть плоти, похоть очей и гордость житейскую». Как тщетны усилия последних в постели больного! Это три наших идола. И болезнь повергает их в прах.

Болезнь отводит нас в сторону и оставляет нас наедине с Богом. Она отводит нас в Его приватные палаты, и там Он общается с нами лицом к лицу. Мир далеко, к нашему удовольствию его нет, и мы наедине с Богом. Тогда Он произносит нам много слов истины. Все наши предыдущие опоры сбиты, и теперь мы должны уповать только на Бога одного. Дела земные кажутся суетными, человеческая помощь бесполезна. Человеческая похвала и человеческая симпатия опустошают нас. Мы полностью полагаемся на Бога, чтобы познать, что Его хвала и симпатия вполне для нас достаточны. «Если бы не эта боль», кто-то может сказать, «я бы меньше проводил времени с Богом. Если бы эта боль не мешала мне спать, я бы упустил сладчайшие моменты, которые я когда-либо имел в своей жизни. Недостаток в моем теле – именно та помощь, которой бы я желал от Бога. И если она сделает свою работу до того, как положит меня в прах, вознесет меня на Небеса» Именно так об Иове сказано: «он вразумляется болезнью на ложе своем и жестокою болью во всех костях своих». На что он сам говорит: «Но Он знает путь мой; пусть испытает меня, - выйду, как золото». (Иов 23:10)

Болезнь учит, что процесс служения – не единственный путь прославления Бога. «Они также служат тем, кто только стоит и ждет». Активное обязательство – это то, которое человек считает наиболее приемлемым. Но Бог показывает нам, что в терпении и страдании Он также прославляется. Возможно, мы преследовали наш собственный путь, и заслуживаем, чтобы нас схватили. Возможно, нас слишком сильно запугал суетный мир, и мы нуждаемся в отставке, однако, мы не сможем найти способа получить ее, пока Господь не положит нас, и не выведет нас в пустыню, из-за той толпы, что угнетает нас.

Ни одно из семейных жезл не используется так часто, чем это, иногда наваливаясь на нас слегка, а иногда и всем весом. Давайте лобзать жезл. Давайте откроем наши уста широко для благословения, стремясь таким образом извлечь пользу посредством каждого недомогания, легкого или тяжелого, чтобы оно смогло произвести в нас мирные плоды праведности. Кто-то говорит: «Я не знаю другого такого замечательного благословения как здоровье, кроме боли и болезни».

2. Тяжелая утрата. Это самая горькая из всех земных печалей. Это самая острая стрела в Божьем колчане. Любить нежно и глубоко, и затем разлучиться, встретиться в последний раз на земле, попрощаться на время, забыть о доме и родных – это действительность скорби. Смотреть на это лицо, которое больше не будет улыбаться нам, сомкнуть те уста, которые больше не будут обращаться к нам, стоять у смертного одра отца, матери, брата, сестры, друга, не слышать ни звука, ни приветствия, нести в гробницу возлюбленных наших, и затем вернуться к опустошенному дому с брешью в одной из частей нашей души, которая никогда не заполнится, пока Христос не придет со всеми Его святыми, - это горечь скорби, это полынь и желчь!

Этот жезл в скором времени Бог полагает на нас. И нет ничего другого такого, в чем бы мы имели больше нужды, чем в этом. Посредством него Бог делает место для Себя в сердцах, которые были наполнены другими вещами и поглощены другой любовью. Он ревнив к нашей привязанности, ибо Он претендует на все. И всякого идола Он уничтожит полностью. Для нашей же пользы, как и для Своей собственной, Он не стерпит

непокорности в сердце. Возможно, радости земной семьи крадут у наших сердец многие горные обитатели. Бог обрушивается на нас в милости, и превращает этот дом в пустыню. Наш грех оборачивается против нас. Мы скорбим над ним, и заново осознаем наше небесное гражданство и заново встаем на путь пилигрима, одинокие, и все же не одни, ибо Отец с нами. Возможно, мы сидим «непринужденно в Сионе», в довольствии и удобстве, посреди болезней страдающей Церкви и бедствий мира, у которого нет Спасителя, и который Бога не боится. Иегова говорит, и мы пробуждаемся. Он забирает к Себе некоего счастливого святого или же поражает в прах некоего нечестивого грешника. Удар нас тревожит. Мы скорбим в апатии. Пока мы спали, сосед-грешник угодил вниз к дьяволу и его ангелам. Смерть одного будоражит нас, смерть другого внушает нам благоговейный страх, и мы серьезно отмечаем ее.

Итак, по мере того как святой за святым возносится к Богу, мы начинаем чувствовать, что Небеса все больше похоже на наш истинный семейный дом, чем земля. У нас гораздо больше братьев наверху, чем здесь внизу. И каждая тяжелая утрата напоминает нам об этом. Она напоминает нам также, что пришествие Господа приближается, и заставляет нас в страстном желании высматривать в восточном окне первые проблески восходящего рассвета. Она зажигает в нас сильное желание ко дню счастливой встречи в доме нашего Отца, когда мы пожмем неразлучные руки и поднимемся на вечные холмы. И меж тем она просит нас отдать наши сердца только Иисусу. Потеря делает для нас то, что отправление двух странников с Небес сделало с учениками на Горе Преображения – она оставляет нас наедине с Иисусом. Она дает нам прочувствовать то глубокое желание попасть домой, которое заключено в словах апостола: «Имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше».

Чем больше эта утрата превращает землю в пустыню, тем сильнее наши желания попасть на Небеса. Наши сокровища были переданы на Небеса, наши сердца должны последовать за ними. Надежды земли поражены, и мы научены ожидать «блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа». Опускается ночь, и закрываются цветы, но, при этом, они просят нас смотреть наверх и видеть, как появляется одна звезда за другой в смеркающемся небе.

3. Бедствия. Это может быть утратой сущности, или это может быть утратой доброго имени, или это может быть разлукой с друзьями, или это может быть гневом врагов, или это может быть разочарованием в наших надеждах – вот, что считается бедствием. Но позвольте Иову сказать нам, что это означает. «Что Он разрушит, то не построишь; кого Он заключит, тот не высвободится». (Иов 12:14) «Но ныне Он изнурил меня. Ты разрушил всю семью мою... Я был спокоен, но Он потряс меня; взял меня за шею и избил меня и поставил меня целью для Себя. Окружили меня стрельцы Его; Он рассекает внутренности мои и не щадит, пролил на землю желчь мою, пробивает во мне пролом за проломом, бежит на меня, как ратоборец... Лицо мое побагровело от плача, и на веждах моих тень смерти» (Иов 16:7, 12, 13, 14, 16). «Дни мои прошли; думы мои – достояние сердца моего – разбиты». (Иов 17:11) «Он преградил мне дорогу, и не могу пройти, и на стези мои положил тьму. Совлек с меня славу мою и снял венец с головы моей. Кругом разорил меня, и я отхожу; и, как дерево, Он исторг надежду мою». (Иов 19:8-10) «Братьев моих Он удалил от меня, и знающие меня чуждаются меня». (Иов 19:13) Это некоторые из глотков в горькой чаше бедствий, которую дали испить этому терпеливому святому. И они записаны для нашей пользы, на ком сойдутся все концы мира, и для кого, возможно, эти последние дни наполняют чашу такую же горькую и глубокую, как его.

«С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка». (Иакова 1:2-4) Мы брошены в нищету, но как мы можем быть нищими, когда

Христос богат. И разве не эта нищета была ниспослана нам заставить нас выиграть Его неизведанные богатства и купить у Него золото, испытанное в огне, чтобы быть богатыми? Наше доброе имя было утеряно через наговоры и ложные обвинения. Перст публичных издевательств, возможно, указывает на нас, и нечестивые возносятся над нами в триумфе над нашим позором. И все же нет ли нам оправдания перед оком Божиим, и разве не достаточно того, что Он все еще почитает нас и знает нашу невинность? Пусть сгинет наше доброе имя, если Бог решит, что нас нужно смирить. У нас есть «белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает». (Откровение 2:17)

Друзья уходят, и враги поднимают голову: ложное братство оборачивается против нас, и нам суждено вынести поношения и гонения от тех, которым мы никогда ничего плохого не делали, и даже любили. Но дружба Иисуса все еще наша. Ни одна земная беда и ни один земной гонитель не сможет у нас этого изъять. Не говоря уже о том, что холодность тех, кого мы считали испытанными и настоящими друзьями, только сближают нас с ним еще больше. Тепло того, чья любовь не знает ни падения, ни конца. Иосиф полностью прошел это испытание, и Господь посадил его на трон Фараона. Моисей прошел его и стал «царем Израиля». Иов прошел через него, и был вознагражден двойным почетом. «В пример злострадания и долготерпения возьмите, братья мои, пророков, которые говорили именем Господним. Вот, мы ублажаем тех, которые терпели. Вы слышали о терпении Иова и видели конец [оного] от Господа, ибо Господь весьма милосерд и сострадателен». (Иакова 5:10,11)

Зачастую бедствия ничего не смогут сделать нам. «Я говорил тебе во время благоденствия твоего; но ты сказал: "не послушаю". Таково было поведение твое с самой юности твоей, что ты не слушал гласа Моего». (Иеремия 22:21) Нам необходимо отвернуться от дома на земле, чтобы искать дом на Небе. Земная музыка обладает большой силой обольщать нас, и не дает нам испытать удовольствие от новой песни. Бог должен либо заставить ее умолкнуть, либо вывести нас в пустынное место, чтобы она нас больше не пленила, но чтобы наш слух был открыт для небесной мелодии. Нам нельзя доверять слишком полную чашу или слишком приятное место отдыха. Мы злоупотребляем всем, что Бог дал нам, и проявляем себя недостойными доверия во всем из этого. Кому-то Бог не может доверять здоровье. Таким необходима болезнь, чтобы держать их в кротости, и заставить их ходить мягко все дни их жизни. Им необходимо соблюдать диету, чтобы плоть не начала хозяйничать. Другим Он не может доверять процветание. Им необходима неприятность для смирения, подобно Израилю, чтобы он не «утучнел, и не стал упрямым». Другим Он не может доверять богатство. Таких необходимо держать в нищете, иначе взойдет стяжательство и пронзит их насквозь многими скорбями. Другим Он не может доверять друзей. Они превращают их в идолов. Они отдают им свои сердца, а это вмешивается в требования Иеговы, чтобы мы полностью были Его.

Но все же, во всем этом Бог относится к нам как к членам Его собственной семьи. Никогда даже на минуту Он не терял этого из виду. Так и мы не должны терять этого из виду. Чтобы, когда эти вещи обрушатся на нас, мы чувствовали, что «Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром». Нам нужно научиться не просто покориться жезлу, но целовать и приветствовать его, не просто молча соглашаться с наказанием, но «хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает». Мы должны не просто хвалить Бога в бедствии, но и прославлять Бога за это. Мы должны увидеть, что участь попавших в бедствие завидней того, кто «остался один». И вместо того чтобы дрожать, когда мы видим черные тучи печали, грядущие на нас, мы должны еще сильнее дрожать, когда они проходят мимо нас, чтобы случайно не пропустить ту тучу, которая несет нам благословение, из-за нашего упрямого сердца и неприкасаемости не смогла оставить нас черствыми и без благословения.

6

ПРООБРАЗЫ

В Израиле существовал закон о приношении первых плодов, и это был уникальный закон. Вот, что было заповедано: «Если приносишь Господу приношение хлебное из первых плодов, приноси в дар от первых плодов твоих из колосьев, высушенных на огне» (Левит 2:14).

Как мы знаем, Христос в первую очередь является первым плодом или «первенцем». И тогда именно Его прообразом являются эти колосья, высушенные на огне. В этом «зерне» мы усматриваем прообраз того, кто принадлежит земле, участника нашей природы. Оно всходит на наших полях, наша почва питает его, наши дожди поливают его, оно созревает под нашим солнцем. Так было и с Иисусом. Он воистину был Человеком, одним из нас, «Слово стало плотью», Человеком, Который «пил из ручья у дороги».

Колос нуда было сорвать зеленым и высушить на огне, не обычным постепенным образом под жаром солнца. Этому зерну следовало созреть неестественным образом до своего срока от искусственного жара. В этом мы также видим Иисуса, Мужа скорбей, покоровшегося гневу Отца, гневу Того, Кто является всепожирающим огнем, и высушенного до зрелости раньше срока Его. Он не вошел в Свою гробницу «в зрелости, как укладываются снопы пшеницы в свое время» (Иов 5:26). Он не вырос до полной зрелости мужской в спокойном, освежающем луче улыбки Иеговы. Его мучили огненным жаром, внутри и внешне, пока на Его испорченном внешнем виде не отразился глубокий возраст, в то время как свежесть сил была в Нем, так, что Иудеи, смотря на Его иссохшие формы, говорили о Нем, как о то, кто приблизился к рубежу пятидесяти лет. (Иоанна 8:57)

Такое представление о Себе Он дает в Книге Псалмов. В них мы сразу узнаем «колосья, высушенные на огне». Ибо об этом Он говорит: «Сила моя иссохла, как черепок; язык мой прильнул к гортани моей, и Ты свел меня к персти смертной» (Псалтирь 21:16). И снова Он говорит: «Помилуй меня, Господи, ибо тесно мне; иссохло от горести око мое, душа моя и утроба моя. Истощилась в печали жизнь моя и лета мои в стенаниях; изнемогла от грехов моих сила моя, и кости мои иссохли». (Псалтирь 30:10,11) И снова мы слышим, как он говорит: «Иссохло от печали око мое, обветшало от всех врагов моих». (Псалтирь 6:8) Таким был и Иисус: изнеможенный и иссохший до Его срока по причине скорби, которую Он претерпел ради нас.

Но эти колосья, иссушенные огнем, ни чем не меньше описания святых, чем описания их Господа. Конечно, они применимы к Нему так, как их никогда нельзя будет применить к нам. И все же, они выделяются как прообраз всей Церкви, которая также названа подобно Иисусу «первенцем». Все члены Тела Его от начала были ничем иным, как этими иссушенными колосьями. В одном случае один из них говорит: «Я подобен бутылке в дыме»; или снова: «обветшали кости мои от вседневного стенания моего, ибо день и ночь тяготела надо мною рука Твоя; свежесть моя исчезла, как в летнюю засуху». (Псалтирь 31:3,4)

Такой эмблемой был установлен прогресс скорби Церкви перед Израилем. И самое для нас интересное – посмотреть на свои испытания в свете такого выразительного образа. Их цель – ускорить наш процесс созревания: это может быть раньше срока, это может быть таким образом, что плоть съезживается только при мысли об этом. И все же их цель – ускорить наш процесс созревания. Окружающие нас печали помогают созреть нашим благостям, как и высушить из нас зеленое, социальное, незрелое изобилие земли. Жар может быть невыносимым, но он не охватит нас. Он только еще больше ускорит процесс созревания. Он ускорит путь к совершенной святости и к вечной славе. И должны ли мы сникать от того, что ускоряет весь этот процесс?

Но было и другое постановление в Израиле, указывающее на скорбь Церкви. Крышка (трон милости) и херувимы были сделаны из чистого золота, «чеканной работы» (Исход 25:17-18). Теперь, так как, несомненно, херувимы были символами искупленных людей, Церкви Христа, этот образ поражает всякое воображение. И крышка, и херувимы должны были быть цельными, «ибо и освящающий и освящаемые, все – от Единого». Они из чистого золота, и это символизирует их крайнюю ценность. Они были сделаны из золота «чеканной работы», чтобы сблизить тот процесс, через который им пришлось обоим пройти. Крышка была сделана по образу и подобию, показанному на горе при ударе молота. Поэтому Иисус был «совершен через страдания». В такой же манере и херувимов должны были довести до намеренных образа и формы. Так и со святыми. Именно через этот процесс они должны пройти, и только так Бог доводит их до желаемой формы, которую Бог определил для них.

Что тогда является процессом, помимо этого, через который проходят святые сегодня? Теперь они под рукой Духа Святого, Который приближает их образ ближе к образу херувимов, который показывают нам в Книге Откровения, как носильщики трона и славы Иеговы, как и наследники всего этого. Что тогда «бичевание», которому мы можем быть подвергнуты, в сравнении со славой, для которой это бичевание готовило нас?

Есть еще один образ, использованный нашим Господом, когда речь идет о Его Церкви. Он сравнивает ее с обиженной, скорбящей вдовой без друзей. Вдовство тогда подходящее состояние здесь для Церкви. И это ее печаль. Ее Господь отсутствует, и Его отсутствие – одно из ее горчайших испытаний. Оно производит одну долгую печаль. Оно создает такую пустоту на земле, что мы чувствуем так, что только такой печали было бы уже достаточно, если даже больше ничего другого нет. И если бы только Церковь полностью осознавала свое состояние вдовства, до пришествия Господа, она, несомненно, нашла бы тогда в этом новую печаль, к которой ранее она была слепа, печаль, которая действует с самой благословенной эффективностью в освящении Церкви и в сдерживании ее от мира.

Она – странник в земле чужеземцев. Она одинока и без друзей, живет отдельно от земных радостей и общения. Тот, Кого она любит, очень далеко. Эта разлука, как выразил ее святой дней ушедших: «подобно горе железа на обремененном сердце». Она желает быть с Ним. Она вздыхает, мечтая о дне встречи. И хотя все это печально, но в то же самое время это священо и серьезно. Это ежедневное бремя, продолжительное наказание, и все же это хорошо. Она освобождает от земли. Она поднимает на Небеса. Она делает этот мир менее привлекательным. Она подготавливает неразделимый союз: время встречи – день свадебного пира.

Даны и другие прообразы страдания Церкви. Но, давайте, удовлетворимся этими. Они помогут нам понять наше истинное состояние, и ничего другого не ожидать, помимо скорби здесь. Ничего странного с нами не происходит. Вед ничего странного в том, что колосья сушат огнем, нет. Ничего странного в том, что херувимы сделаны из чеканного золота, нет. И ничего нет странного в том, что в отсутствии Жениха невеста должна скорбеть.

ИСПЫТАНИЕ

Нет других существ, насчет которых мы так часто ошибаемся, как насчет себя самих. «Лукаво сердце [человеческое] более всего», и к тому же «лукавость греха» неисповедимо. Поэтому когда лукавость нашего сердца и лукавость греха соединяются вместе, не стоит удивляться, что результатом станет неведение о себе.

К тому же, мы не желаем исследовать свое сердце. Мы содрогаясь от того, что сможет обнаружить такой тщательный осмотр. Несомненно, сознание о прощении занимает большую часть этого пренебрежения. Нам не так страшно узнать о самом худшем, что какой бы омерзительной грязь, вытащенная на свет, не казалась, она никогда не сможет встать между нами и Богом. Ибо с Богом все – мир. Кровь, окропившая нас, сделало просто невозможным, чтобы Бог когда-нибудь снова разгневался на нас. Чтобы мы до какой-то степени осознали слаженность человека, преступления которого были прощены. Наш дух без коварства. У нас теперь нет причины в сокрытии чего-нибудь от Бога или нас самих. Мы становимся открытыми, искренними, прямыми. И все же исследование болезненно, и нам бы хотелось отложить его. Оно может пролить на свет многое, что могло бы шокировать или смирить нас. Оно может предостеречь о том размахе зла, которое все еще осталось в нас, даже если оно не может привести нас к осуждению. Вот почему нам так тяжело углядеть или даже навести справки о зле, которое все еще к нам липнет.

Более того, не все мы убеждены в том, что в нас так много зла. Мы сами себя не знаем. Наши обличения в грехе поверхностны, и мы начинаем предполагать, что конфликт между плотью и духом не настолько яростный и смертельный, как мы ранее считали. Мы думаем, что полностью избавились от многих наших грехов, и довольно-таки быстро избавляемся от всего остального. Мы никогда не прослушивали в себе глубины греха. Мы никогда не думали подчеркивать число наших мерзостей. Мы с легкостью плыли к царству, и, возможно, иногда задавались вопросом, как наша судьба так отличается от святых древности. Мы думали также, что побороли многие свои испорченные качества. Ветхий человек был распят, он выглядел мертвым, или, по крайней мере, он сделал вид, что мертв, чтобы обмануть нас. Наши похоти ослаблены. Наш характер улучшился. Наши души были спокойными и уравновешенными. Наши горы стояли твердо, и мы говорили: «Мы непоколебимы». Победа над своим «эго» и грехом, в некотором смысле, казалась выигранной. Увы, мы были слепы! Мы были полностью невежественны в том, что касалось наших собственных сердец.

Ну, началось испытание. Оно навалилось на нас подобно туче в ночи, или прошло через нас подобно сильному ледяному порыву ветра, пронзающего и обмораживающего самые необходимые для жизни органы тела. Затем ветхий человек внутри нас проснулся, и как бы в ответ на внешний шум, во внутрь проникает еще худшее бедствие. Мы чувствуем

так. Словно четыре ветра Небес были освобождены от своих уз, чтобы сразиться между собой в глубинах внутри нас. Безверие вернуло себе свои прежние силы. Непокорность воинствует во всех частях нашей души. Неукротенные страсти вновь обрели свои силы. Мы были сильно испуганы, созерцая эту устрашающую сцену. Но вчера это еще казалось невозможным. Увы, мы не знали ни о силе греха, ни о силе зла в наших сердцах, пока Бог, таким образом, не позволил им освободиться.

Именно таким образом Он поступал с Израилем. И ради этого Он отвел их в пустыню. «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет» (Второзаконие 8:2) Их бедствия в пустыне стали для них испытанием. И когда таким образом они были испытаны, какое нечестие было найдено в них! Какой обнаружился грех, который был сокрыт и неизвестен ранее! Не бедствие создало зло. Оно просто выявило то, что было уже, незамечено, и что ранее не почувствовали, как уснувшую гадюку. Затем были прорваны глубокие источники сердца, и стали изливать потоки грязи, черной как Ад. Непокорность, безверие, раздражительность, атеизм, идолопоклонничество, своеволие, самоуверенность, самодовольство – все вырвалось, когда порыв пустынного ветра столкнулся с ними лицом к лицу, и напомнил об Египте со всей его изобильной роскошью. Таким образом, они были испытаны.

Так и в случае со святыми сегодня. Бог наказывает их, чтобы Он смог выявить то зло, которое лежит сокрытым внутри, а потому нет и подозрений об его существовании. Жезл поражает нас в самых нежных местах, и мы тут же вооружаемся против Бога. Плоть, ветхий человек, потерпела серьезный урон, и тотчас поднялась, являя всю внезапную большую часть своей прежней силы. Когда она спала, мы немного знали о ее силе, но теперь, когда она была пробуждена, остатки ее силы ужасают нас. Плоть не проявит себя, «как море взволнованное, которое не может успокоиться и которого воды выбрасывают ил и грязь», пока мы не разбудим ее. Когда все было спокойно, казалось ничто другое, как чистота наполняет ее, и рябь скрывается за рябью в спокойной яркости ее прозрачной лазурности. Но освободились ветра, буря возвышает глубины моря, и затем все меняется. Вот, что мы видим в святых. Когда бедствие обрушивается на них подобно буре, тогда пробуждается сокрытое зло в их сердцах. Грехи, почти незнакомые нам ранее, проявляют себя. Сердце изливает свою греховность. Возникают тяжелые мысли о Боге. Атеистическое ворчание вырывается наружу и отказывается покориться.

Сомнение в Его мудрости и в Его любви слышится в бормотаниях. Да, как часто оно обретает более выразительную форму, и мы спрашиваем: «Если Бог любящий и мудрый, почему тогда это так?» Мы не могли ожидать такого отношения от рук Его. Недоверие и безверие обретают власть, и мы отказываемся уступить Его воле. Кажется, трудным быть так сильно пораженным и положенным так низко. На какое-то время даже кажется, что если сердце решит думать о Боге злое, то оно никогда уже не сможет подумать о Нем хорошо. И хотя следует спокойствие, мы начинаем чувствовать стыд и страх из-за нашей непокорности, все же сердце пустило свою грязь. Мы познали уже его неисследованные глубины зла. С одной стороны, мы были подведены увидеть глубже нашу собственную удивительную и невероятную низость, и с другой, в более полные открытия изобильной благодати Божьей. Мы учимся больше ценить открытый источник, и мы заново поручаем себя покрывалу благодати Праведника.

Примечательно то, что когда испытывали и проверяли святых дней ветхих, в них нашли не только зло, но и то зло, которое меньше всего ожидалось там найти. Нам бы следовало, например, сказать о Ное, что именно он был тем, кто унес свою сдержанность и трезвость в свою могилу. Он единственный находился среди роскошествующего, сладострастного, отравленного мира, осуждая их разврат и попойки. Однако, как только он попадет в обстоятельства искушения, он падает. Ной пьянеет. Еще один пример. Авраам превосходит многих библейских персонажей своей верой и отвагой. Однако когда

он направляется в Египет и Герар, его вера дает ходу, и он от страха бормочет ложь. Лот устоял перед всем сладострастием и нечистотой Содома, и его праведная душа скорбела над их мерзостями. Однако не прошло и много времени с того момента, как он был избавлен от гибели города, как он сам впадает в пьянство и похоть равную той, что была в городах, которые были поражены. Иов, хотя и отмеченный за свое терпение, дал свободу своему нетерпению в день испытания. Моисей, кротчайший из всех людей, проявил свой гнев и «погрешил устами своими». Давид был одним из нахрабрейших воинов, которые когда-либо сражались в битвах Господних в Израиле, он вышел против Голиафа с пращей и камнем, однако, когда он бежал от Саула и пришел к царю Ахии в Гефе, его отваги и след простыл, и он притворялся сумасшедшим из-за страха перед своими врагами. Илия стоял перед царями без дрожи в голосе, произнося приговор суда над ними, запирая небеса, и пронзая врагов мечом мести Иеговы, хоть и был один среди десятков тысяч. Но когда он убегает от угрозы женщины, он готов оставить все и просит о смерти.

Иезекииль, характер которого сияет в уникальной святости и послушании, все же, записывает против себя странный случай непокорности, когда Бог посылает его произнести с заданием осудить Израиль: «И шел я в огорчении, с встревоженным духом; и рука Господня была крепко на мне». (Иезекииль 3:14) Связь Петра с Господом является одной из его особенных характеристик, и все же именно Петр отрекся от Него. Иоанн был учеником, который, казалось, больше всех остальных походил на своего Учителя в нежности и любви, однако именно Иоанн хотел призвать огонь с Небес на самаритянскую деревню.

Господи, что же есть человек? И что есть сердце человеческое – сердце даже Твоих святых, когда испытывается и рассматривается на свету? Джон Берридж сказал о себе: «О, сердце, сердце, что же т? Масса глупостей и абсурда, самая суетная, самая нечестивая, самая лукавая, самая глупая вещь в природе». Какое скрытое в глубинах зло, какое самолюбие, какая гордость, какой тяжелый темперамент, какое обмирщение исходят за раз, когда удар проникает в глубину души! Сколько времени оставался твердым Иов, твердо держась своей преданности и уверенности в Боге! Удар за ударом опустошали его, и все же он воздавал славу Богу посреди опустошения и скорби. Внутренний круг его собственного «я» достигнут не был. Но друзья его поднялись против него, и указывали на него, как на человека, которого Бог отметил виновным, затем вера и терпение оставляют его. Сам центр его существа был достигнут и зондирован. И наружу пробился поток нетерпения и безверия. Для того чтобы пронзить до самого глубокого круга, необходимы острая стрела и сильно натянутый лук. Однако в Своей доброте Бог не пощадит. Необходимо воссесть с болезнью, и тогда прольется свет на действительную природу сердца.

Из всех зол, которые можно вытянуть, таким образом, из сердца святых самое худшее, и все же самое обычное, - тяжелые мысли о Боге. Все же, кто ожидал этого? Когда-то, в действительности, в наши дни безверия наши души были полны этого. Все наши мысли о Боге были злы. Когда Дух Святой все коренным образом в наших сердцах изменил, Он сделал нечто особенное – Он научил нас думать о Боге хорошо, показывая нам, насколько Он не заслужил таких мыслей тяжелых от нас, насколько Он заслуживает обратного. Чудесная повесть о многогранной любви, которое до нас довело евангелие, завоевало наши сердца и заставило нас стыдиться своего недоверия. Тогда мы сказали: «Конечно, мы никогда больше не будем дурно думать о Боге. «Вот, Он убивает меня, но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои пред лицом Его!» мы считали, что бедствие лишь только еще больше приблизит нас к Нему. Однако, как только Он начинает поражать нас, наши прежние мысли возвращаются. Мы начинаем спрашивать, отчего это Он так относится к нам. Мы подозреваем Его любовь и верность. И кажется, что наша хватка за Его благодать ослабла, а иногда и полностью исчезла.

Мы подобны Ионе с высохшим растением. Мы считаем, что вправе сердиться даже до смерти. Бог не кажется нам тем же любящим Богом, как когда мы впервые уверовали и

вкусили Его прощения от Его великодушных рук. Увы, вероломство наших сердец было раскрыто. И мы находим, что не служили Богу просто так.

Пусть Он не увещевает нас и не спрашивает нас: «Отчего ты сердишься». Разве этот вопрос не заставит наши уста умолкнуть навечно? Разве ты в праве сердиться или падать духом, когда Бог простил все твои преступления и удалил их от тебя так далеко, как далек Восток от Запада? Разве в праве ты сердиться, когда ты сам был освобожден от грядущего гнева, как и от нынешнего лукавого мира, и сокрыт в безопасной расселине скалы с Иисусом в качестве партнера? Разве ты имеешь право сердиться, когда Божья любовь стала твоей несомненной частью, а царство Сына твоим вечным наследием? Разве в праве ты сердиться, когда ночь далека, а день близок, когда далекие восточные облака принимают розовую бахрому, а утренняя звезда уже готова взойти?

Наказанный Богом найдет много драгоценных слов утешения и совета в письмах Сэмуэля Рутерфорда. Пройдя испытания, он знал, когда и какие слова говорить изможденным. Послушайте некоторые из них. «Я часто задаю себе вопрос, должно ли у чада Божьего печальное сердце быть, учитывая то, что Господь приготовил для него». «Когда мы придем домой, и войдем в права владения праведного царства нашего брата, и когда наши головы наконец-то познают вес венцов вечной славы, и когда мы посмотрим назад на боль и страдания, тогда мы увидим, что от жизни и скорби до Небес нас отделяло расстояние менее, чем в один шаг, подобно расстоянию от темницы к славе. И этот маленький дюйм временного страдания – ничто по сравнению с в первом вечернем приветствии дома на небесах». «Как бы все не происходило, самое худшее, что может произойти с путешественником, усталость, а затем радостный и нежный домашний прием».

8

ОБЛИЧЕНИЕ

Стоит отметить слово, которое используется в двух хорошо известных отрывках, говорящих о наказании: «и забыли утешение, которое предлагается вам, как сынам: сын мой! не пренебрегай наказания Господня, и не унывай, когда Он *обличает* тебя». (Евреям 12:5) «Кого Я люблю, тех *обличаю* и наказываю. Итак, будь ревностен и покайся». (Откровение 3:19) Небольшое исследование в их значение и небольшое сравнение отрывков помогут нам увидеть это слово в его истинном свете.

То же слово используется в Матфея 18:15: «Если же согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним; если послушает тебя, то приобрел ты брата твоего». И то же слово используется в Луки 3:19, где сказано, что Иоанн обличил Ирода. То же слово используется в Иоанне 16:8: «и Он, придя, обличит мир о грехе и о правде и о суде». Тогда из этих выражений мы узнаем, что обличение – не просто какое-то суровое слово или недовольство, указывая недовольство со стороны Бога, но такое недовольство, которое говорит нам о наших грехах, такое недовольство, которое обличает или осуждает наш грех. Это Божий способ указать на то, что Он видит неверным в нас, или привлечь наше внимание к тому, что неуютно Ему, и в случае которого, если не будет удалено, Он должен будет разобраться с нами посредством наказания.

Слово «обличение» предполагает что-то более нежное, чем наказание. И существует некоторая важность рассматривать его в таком свете. Не знаю примера лучше того, где Христос обращается к церквам Азии. Особенная ценность состоит в следующем: они показывают нам, чем является сердце Христа при обличении. Какое открытие они делают для нас! Давайте, послушаем, как Он обращается к ним. Так Он обличает ангела церкви Эфесской: «Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. Итак вспомни, откуда ты ниспал, и покайся». А вот как Он обличает церковь Пергамскую: «Но имею немного против тебя, потому что есть у тебя там держащиеся учения Валаама... Покайся; а если не так, скоро приду к тебе и сражусь с ними мечом уст Моих». В той же манере мы можем процитировать и другие Его обличения других церквей для иллюстрации нашего значения. Но этих было достаточно. Они показывают нам кротость обличающего как в манере, так и в языке. В действительности, они верны, но как деликатны, как нежны, как мягки! Они указывают на то, что неверно со всей прямоотой и отчетливостью, и все же в манере, больше всего подходящей для побед, и на языке, менее всего болезненным. Каждое из обличений Он начинает с великодушного упоминания о прошлых служениях и превосходных поступках ангела церкви, как если бы Он желал показать, что желает похвалить, насколько Он может, и как не желает винить, когда этого нельзя избежать. В звуках этого голоса, обращающегося с Небес, похоже, что мы слышим Того же кроткого, Который когда-то говорил в доме Симона Фарисея. Желая обличить его в его злых мыслях о женщине, которая стояла за Господом и мыла Ему ноги своими слезами, Он мягко сказал ему: «Симон! Я имею нечто сказать тебе».

Однако, когда обличение Божье такое мягкое и любящее, оно и верно, и серьезно. Оно верно, потому что ничего от нас не скрывает. Тон обличения мягок, однако слова

полны смысла. Они вполне выразительны в их осуждении греха, осознанном в нас. И обличение Иеговы – это нечто серьезное. Это не обличение гнева, ибо это прошло, и все же, оно оставляет нас в изумлении. Обличение родителя означает многое для любящего чада, насколько же больше должно быть для нас обличение нашего Бога – Бога, Который сотворил Небо землю.

Он делает многие обличения. Некоторые из них легче, другие тяжелее. Однако, и в тех и других, Он кладет Свой перст на грех, и отчетливо намекает на Свое желание, что мы должны отвернуться от этого. Последнему, боюсь я, мы придаем мало значения. Прикосновение мимолетной боли, быстрая болезнь, легкое недомогание, временная немощь, какая-то обычная внутренняя досада, какой-то банальный случай, пара дней разлуки с любимым, какое-то недоброе слово, где мы меньше всего ожидали его услышать, какое-то разочарование или раздражение, - все это обличается Отцом в легкой и мягкой форме. Они не настолько остры, насколько остры многие другие, но ничем не меньше на счету показаний воли Отца. Люди склоны их терять из виду, потому что они легче и обычнее многих других, и не настаивают на том, чтобы мы обратили на них свое внимание. Все же, нам стоит потратить свое время, чтобы выявить их, и принять их к сведению.

Трудно понять, почему мы так должны недооценивать их. Для того, кто верно взвешивает их, они не могут не казаться особенно драгоценными и привлекательными. Их частота знакомит нас с ними, и в таком случае мы пренебрегаем ими. Печально и странно! Разве их частота не показывает нам непереносимые боли, которые Бог несет с нами, давая нам правило за правилом, черту за чертой? Должно ли то, что показывает Божью неутомимую искренность, Его непрестанную бдительность, и постоянное беспокойство о нашем благополучии, искушать нас пренебречь такими отношениями? Их мягкость, как и частота, склоняет нас на то, что мы недооцениваем их. Несоразмерное извращение! Они так легки и так нежны, что, следовательно, не могут принадлежать нам, находясь в руках Отца! Были бы он острее и тяжелее, они тогда были бы признаны именно такими, но были бы они мягче, то навряд ли они были бы достойны нашего серьезного внимания!

В этом отношении я убежден, что есть большая необходимость в увещевании, не просто только для невнимательного мира, но также и для святых Божьих. Вопрос, который так часто упоминается, так часто пренебрегаем. И именно ежедневные события, связанные с этим вопросом, наиболее привлекают наше внимание. Жар гнева опрокидывает нас. Нас покидают наши силы. Наша жизнь наполняется отчаянием. Затем мы говорим: «Это перст Божий. Это Его обличение». Но мы подхватываем слабую прохладу или принимаем легкое ранение – нет опасности и возможно нет пронзающей боли, и тогда, О, увы! Мы не видим в этом руку Божью, или же в основном мы принимаем это расплывчато и беспечно. Нежность бедствия заставляет нас почувствовать свободу недооценить его, и забыть, что это исходит от Бога. Ах! Вот так мы «пренебрегаем Его наказаниями».

И каковы последствия? Мы привлекаем к себе еще более суровое наказание. Мы провоцируем Бога посетить нас более тяжелыми ударами. Мы призываем Его наказать нас нашей беспечностью к Его обличению. Мы делаем так, что наши беды становятся абсолютно необходимыми.

Давайте никогда не забывать этого. Именно наши самоуверенность и небрежность облагают нас обязательством пройти через боль страдания. Беда сама по себе совсем не то, что бы нам хотелось. Было бы лучше, если бы ее можно было избежать. Бог не желает поражать нас болью. Но мы вынуждаем Его. Мы могли бы избежать много скорбей, если бы не были такими беспечными и неверующими.

Медленно и с наименьшей охотой Бог простирает Свою руку, чтобы наказать. Если бы мы могли говорить по манере человеческой, то Он просто шепчет или намекает о Своем упреке. Ему бы совсем не хотелось применить что-то острое. Он медлит. Он задерживается на этом пути. Он пробует и другие методы. Вначале Он посылает легкие

бедствия, чтобы подвести нас к самоанализу и раскаянию, и чтобы не прибегать к необходимости в нанесении более серьезной раны. Но мы не принимаем это всерьез; и тогда, в итоге, Он возвышает Свой голос и обращается таким образом, что его нельзя не заметить, и в нем нельзя ошибиться. Как печально, что мы должны так упрямо настаивать на том, чтобы Бог наполнил чашу скорби, чтобы спасти нас!

Давайте откроем наши уши к Божьему обличению. Его голос словно «веяние тихого ветра» должен быть настолько же эффективным, как молния или землетрясение. Давайте узнаем смысл и пользу легких испытаний. Давайте не считать прикосновение боли или печали, какими бы легкими или мимолетными они не казались, слишком незначительными для наших самых серьезных мыслей. Многого можно было бы избежать. Мы бы вынесли для себя благословенный урок легким, приятным способом. Каждая беда, какой бы легкой она не была, несет в себе аромат благословения. Должны ли мы тогда не замечать ее или вытолкнуть ее? Это новая возможность приблизиться к Богу и узнать больше о Его любви. Как глупо, как грешно пренебречь ей! Бог говорит нам: «Разберись с этим легким крестом, и тебе не понадобится еще один тяжелее». Но мы глухи. И, о, как дорого эта глухота обходится нам!

Однако не только наша глухота обрушивается на нас более тяжелый крест. Мы слишком беспечны даже к тем крестам, что тяжелее, и это готовит для нас еще тяжелее. Легкий путь, который многие люди выбирают, в конце оказывается самым печальным. В тот момент происходит сильный выброс чувств. И иногда возникает рецидив этого через какое-то время, после того как бедствие исчерпало себя. Но, за исключением судорог печали, ничто нельзя сравнить с приложением этого бедствия к сердцу. Seriously назначить Божье наказание для сердца – совсем отличается от потворства диким взрывам печали. Отсюда, обычно можно обнаружить, что те, кто им уступает дорогу во время интервалов между ними, легки и веселы. Это неравное давление скорби не только болезненно сказывается на душе, но и нейтрализует правильное влияние беды, и таким образом вызывает необходимость в другом более ошеломляющем ударе.

Отсюда, мы так часто наблюдаем, что когда Бог серьезно берется за дело, если можно так сказать, то это происходит благодаря либо последовательности ударов, которые следуют друг за другом близко, либо продолжительной печалью. Именно мы служим причиной этих событий, когда оставляем Господа нашего Бога в то время, когда Он вел нас (Иеремия 2:17). Волна за волной рушатся на нас, но мы сами вызвали шторм; наша испорченность, которая придает этому жизнь, даже, возможно, еще выше поднимает эти волны, пока мы почти не будем погружены полностью в ее водах. Если бы мы однажды покорились Богу, и позволили Ему благословлять нас, как Он желает, одной волны, пожалуй, было бы достаточно, и еще до вечера морской бриз бы полностью угас.

Однако даже в этом есть утешение. Наша глупость делает наше путешествие тяжелым, но это путешествие домой. Все эти сильные порывы ветров и большие волны направляют нас к Ханаану, не прочь от него. И иногда с их самого высокого гребня нам открывается более ясная панорама вечного наследия, чем с уровня спокойствия более невозмутимых дней. Знание, что какой бы ни была ярость бури, каждый сильный порыв ведет нас домой, что каждая волна, какой бы жестокой она ни была, несет нас еще быстрее к нашей желанной гавани, - освещает черноту бури, и лишает нас страха перед ней.

9

ОЧИЩЕНИЕ

Наказание предполагает грех. Страдание же нет, потому что Иисус страдал, более того, о Нем сказано: «однако страданиями навывк послушанию». Но наказание предполагает грех. Некоторые, в действительности, применили слово «наказание» и к Иисусу, потому что Он был «совершен через страдание». И в значении прохождения через воспитание, чтобы Он мог познать через опыт наше состояние здесь, и чтобы Его увидели в качестве совершителя воли Отца, Человека, который «не угождал Себе», - в этом значении Его скорби могут быть названы этим названием. Но больше ни в каком другом. Он, подобно нам, искушен был во всем, кроме греха. Но в нашем случае все совершенно по-другому. Грех в нас притягивает бедствие, как и жезл притягивает молнию с туч.

Однако весь грех прощен. Взглянув на крест, мы нашли прощение. Будучи верующими в Иисуса, у нас нет «никакого сознания греха». Все же плоть остается. Ветхий человек как всегда работает внутри нас. «Беззакония одолевают нас». И хотя мы знаем, что они искуплены, они все еще липнут к нам. Наша природа все еще загрязнена, хотя наша совесть была очищена. Наказание направлено против греха, существующего внутри нас, хотя и прощенного.

Метание золота и серебра в печь подразумевает образование на них шлака, которое необходимо очистить огнем. Если бы не было шлака, то не было бы и нужды в печи или в огне или в работе того, кто очищает драгоценный металл. Это лишь только средства избавления от шлака. Огонь, которым Господь зажжет в земле, когда вернется, доказывает, что грех есть в нас. Если бы не было проклятья на земле, то и в очищающем огне не было бы нужды. Но все примеси необходимо сжечь. Следы змея необходимо полностью замести. И поэтому землю необходимо бросить в печь, чтобы из нее могло выйти новое и более восхитительное создание, подходящее для очей Божьих, и чтобы в нем жили святые, и от которого, таким образом, всякий след тления был бы полностью стерт.

Так и с наказанием. Оно связано с грехом. Если бы не грех, мы бы не знали о наказании. На Небесах нет наказания, потому что там нет греха. Ангелы ничего не знают об этом, потому что они не знают греха. Они видят его издалека. Они слышат печальную историю о земле. Они видят воочию гонения Церкви, но это все. Ибо наказание только там, где есть грех. Его существование здесь – это просто голос Божий, который говорит: «Я нашел беззаконие на земле». Его наказание – Бог говорит: «Я увидел грех в тебе». Я не поднимаю вопрос о том, являются ли определенные бедствия результатом определенных грехов отдельных людей. Во многих случаях, мы знаем, что именно так и происходит. В других это более сомнительно. И отсюда, хотя и было бы неплохо в беде спросить, на какой особенный грех или грехи указывает Бог, неправильно заострять внимание

исключительно только на одном или двух, вместо поворота нашего внимания ко всему телу греха, направив все наши усилия против этого.

Но наказание предполагает также и определение со стороны Бога избавиться от греха. Это выражение Его ненависти к греху, и Его установленной цели избавиться от него. Он стремится очистить нас. И этого Он решил добиться любой ценой. Это должно быть сделано, потому что Он не может смотреть на беззаконие. И что тогда боль, если это поможет избавиться от греха? Что тогда для нас скорбь, если это поможет избавить нашу природу от зла – жизнь собранного шлака?

Существует несколько персонажей, которых использует Бог, чтобы указать Свои планы в наказании. Давайте, перечислим их:

1. Он очищает. Святые испытаны «в горниле страдания» (Исаия 48:10), и «пусть испытает меня, - выйду, как золото. (Иов 23:10) Жар печи выжигает все примеси и оставляет только чистый металл. Именно в печи разрушается плоть, а ветхий человек получает сердечный приступ, от которого умирает. В печи разрывается самоуверенность, ломается безверие, а вера укреплена и очищена. Если бы не печь, что бы стало с нашим шлаком и примесью? И когда серебро находится в горниле, Сам Очищающий поблизости. Послушайте, что Господь сказал касательно этого: «Посему так говорит Господь Саваоф: вот, Я расплавлю и испытаю их; ибо как иначе Мне поступать со дщерью народа Моего?» (Иеремия 9:7) «И обращаю на тебя руку Мою и, как в щелочи, очищу с тебя примесь, и отделию от тебя все свинцовое» (Исаия 1:25). «Когда Господь... очистит кровь Иерусалима из среды его духом суда и духом огня». (Исаия 4:4)

2. Он просеивает. «Ибо вот, Я повелю и рассыплю дом Израилев по всем народам, как рассыпают зерна в решете, и ни одно не падает на землю». (Амос 9:9) Мы – Божьи зерна, которые растут на Его полях, и Его рука собирает их. Но мы – крупное и грубое зерно. Большая часть отсеивающего процесса, через которое мы должны пройти, состоит из отделения более крупных частиц, чтобы ничего, кроме зерна высокого качества, не осталось. Болезни просеивают нас. Гонение просеивает нас. У Бога много разных сит, некоторые для зерна высокого качества, некоторые для зерна крупного. И Он заставляет нас просеивать нас согласно тому, что требуется для нас. Он просеивает исповедующую Его Церковь, и многие просеиваются. Он использует сито для зерна высокого качества, и еще больше отсеивается. Он берет каждую церковь по отдельности, каждое собрание по отдельности и просеивает их, и обличаются многие лже-братья. Он берет каждого верующего и просеивает его индивидуально, и его крупные части отпадают. Этот процесс повторяется. Его веют и просеивают снова и снова, пока зерно не будет очищено.

3. Он обрезает. «Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода». (Иоанна 15:2) Мы – ветви лозы. Христос является лозой Отца: стеблем и корнем всей духовной жизни. Его желание состоит в том, чтобы отрасль Господа явилась в красоте и чести, чтобы эта лоза могла приносить плод в свое время. Поэтому Он не только поливает ее, но и охраняет день и ночь. И Он опытно и заботливо обрезает ее подобно виноградарю. Он желает сделать каждую ветвь плодоносной и подобающей, а для этого Он ничего не жалеет, потому что «в том Он прославится, если принесем много плода». Как много мы должны этому небесному обрезанию! Какие высокородные и богатые ветви Он отрезает! Какую приземленность, какую глупость, какое отступничество, какую поспешность, какие плотские похоти, какие эгоистичную узколобость – все, одно за другим, искусно виноградарь обрезает своим осторожным ножом!

4. Он полирует. Мы – «камни живые», положенные по одному на великом камне основания, положенном в Сионе для небесного храма. Эти камни должны быть вначале добыты в каменоломне. Это Дух Святой делает в момент обращения. Затем, когда они отбиты, начинается процесс тесания и обтачивания. И Бог использует бедствие как Свой молот и долото, чтобы добиться этого. Необходимо произвести множество ударов, и

после того как из этого камня будет вытесана форма, начнется полировка. Все грубые части должны быть отшлифованы. Камень необходимо переворачивать снова и снова, чтобы отполировать каждую сторону, чтобы ни одна из сторон не осталась неотполированной.

Храм в действительности наверху, а мы внизу. Но таков план Божий. Все камни для храма Соломона готовили вдалеке, затем их принесли в Иерусалим, чтобы там из них построить здание Храма, так и живые камни готовятся здесь, чтобы потом подойти без шума молота или топора для восхитительного здания нерукотворного. Тогда каждый должен быть отполирован здесь. И хотя для этого существует много способов, самым эффективным является страдание. И это Божий замысел в наказании. Вот, на что влияет Дух Святой: подобно камнетесу Он становится над каждым камнем, прикасаясь, исправляя его, поворачивая его на каждую сторону, отмечая его пороки и грубоватость, а затем прикладывая Свои инструменты для достижения желаемой формы и полировки. Некоторые части камня настолько неровны и тверды, что ничто, кроме тяжелых и повторяющихся ударов и прикосновений, не сможет сгладить их. Они сопротивляются каждому мягкому способу. И все же, в терпеливой любви, это небесный Каменотес исполняет Отцовскую цель касательно нас. Оставаться рядом с Ним, если так можно выразиться по манере человеческой, совершенная Модель, согласно которой должен быть каждый камень отполирован – даже Иисус, Избранный Отцом, - Он обрабатывает до тех пор, пока каждая часть не будет отполирована согласно Его подобию, черта в черту. Боли не щадя, бдительность не теряя, пока мы не будем полностью подобны Ему, будучи изменяемы в тот же образ от славы к славе Духом Господа.

Таким образом, скорбь формирует и очищает нас. Так она изглаживает из нас сходство с первым Адамом, и придает нам очертания второго Адама, «как мы носили образ перстного, будем носить и образ небесного». «О!», сказал святой другого времени, «что я должен напильнику, молоту, печи моего Господа Иисуса!»

Придите тогда, давайте, спросим себя и приложим все усилия, чтобы выяснить, что делает для нас горе, и какой прогресс мы делаем, снимая с себя ветхого человека и облакаясь в нового. Оставляю ли я мирское от духа? Вращаются ли мои мысли только вокруг небесного? Избавляюсь ли я от своей гордости, своей страсти, своего упрямства? И становлюсь ли я смиренным, кротким и открытым для наставления? Убраны ли и разбиты ли все мои кумиры? Использую ли я все удобства моего создания, хотя и не пользовался ими раньше? Заботят ли меня теперь меньше почести времени, человеческая любовь, человеческая улыбка, человеческие аплодисменты? Распят ли я для мира, и распят ли мир для меня крестом Христовым? Или я все еще стыжусь Его позора, и наполовину беспечно следую за Ним в доброй и недоброй славе, в почестях и позоре? Считаю ли я славой и радостью, идти туда, куда Он провел путь, страдать там, где Он страдал, пить из чаши, из которой пил Он, и быть крещенным одним крещением с Ним? Или, исповедуя поиски царства, я отказываюсь подвергнуться этой скорби, через которую я должен пройти. Желая надеть венец славы, содрогаюсь ли я от тернового венца? Становлюсь ли я день за днем все менее похожим на детей земли, и все более и более сообразован по подобию, и принимая особые очертания моего Старшего Брата, в честь Которого названа целая семья Неба и земли? Осознаю ли я, что этот мир – не мой удел, и не мой покой, зная, что единственной звено в цепи может приковать меня к миру так быстро, как и тысяча звеньев? Достаточно ли я осторожен, чтобы стряхивать с себя все путы, которые могут привязать меня к суете такого мира, как этот? В действительности ли наказание очищает меня? Осознаю ли я ее благословенные действия на душу мою? Могу ли я посмотреть назад на такие сцены горя и сказать: «Там я извлек для себя самые драгоценные уроки. Там и тогда я избавился от тела этой смерти. Там и тогда я поднялся на более высокую ступень, с которой я все еще пытаюсь подняться на еще одну ступень вверх». Научился ли я сочувствия у Иисуса, и познал ли я блаженство того, что Он плакал со мной в день моей скорби? Вытер ли я свои слезы непокорности, научился ли я проливать только слезы

любви и покорной нежности, слезы братства и сострадания, слезы желания отсутствовать от тела и присутствовать с господом?

Сделать нас «участниками Его святости» - это Божий великий план, согласно утверждению одного апостола. И есть нечто очень примечательное в его выражении. Оно соответствует похожему утверждению во втором Послании Петра: «участники божественной природы». Оно предполагает нечто очень вознесенное и очень благословенное, настолько больше, как если бы нам просто сказали, что Божья цель – «сделать нас святыми». Участники Его собственной святости – самой Его природы! Это больше того, чем могли бы хвалиться ангелы. Это нечто отличительное для искупленных из среды людей» - членов Тела Христова. И в таком случае Иисус обращается к нам. Это не просто «мир», который Он обещает нам, но это Его мир – «Мой мир». Он не изливает на нас просто радость, но Свою собственную радость – «Моя радость». Так и не просто святость, но Его собственная святость. Он желает сделать нас участниками этого. И, о, как все это подразумевается!

И получим великолепный приз, ради обладания которым мы посчитаем все остальное за сор! И хорошо, когда мы видим все в своей истинной цене и превосходстве, и устремляем к этому наши сердца. И пока мы этого не сделаем, между нами и Богом будет недопонимание, потому что это то благословение, которое больше всего Он желает для нас и склонен даровать нам. Однако, когда совершенно едины с Ним в этом, тогда борьба прекращается. Он получает, что хотел, и это лучше всего для нас. Как благословенно, когда Его желание освободить нас от греха, и наше желание быть освобожденными от него, едины, когда Его цель сделать нас святыми полностью совпадает с нашими горячими желаниями быть такими! Тогда божественная полнота плывет в душу без проверки, и, не выдерживая горечь внешнего процесса, который на это воздействует, неопишуемая радость, и полнота славы овладевают посвященным сердцем.

«Посему и мы, имея вокруг себя такое облако свидетелей, свергнем с себя всякое бремя и запинаящий нас грех и с терпением будем проходить предлежащее нам поприще, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия». (Евреям 12:1,2) И нет ничего подобного бедствию, что могло бы так научить нас этому. Оно действует подобно тому, как воздействует ветер на деревья, заставляя их углубить свой корень и сильнее укорениться. Чтобы взошла свежая и сочная трава на лужайке необходимо скосить ее. Если встряхнуть светильник, то он будет светить ярче.

10

ПРОБУЖДЕНИЕ

Могло пройти много времени с того момента, как Дух Святой пробудил нас от сна смерти. Мы знаем, что больше никогда не заснем этим мертвецким сном. Пробудивший нас, не даст нам заснуть, пока не придет Иисус. В этом смысле, мы больше никогда не уснем.

Но все еще сонливость остается. Мы не полностью проснулись, и зачастую большая часть наших прошлых снов возвращается. Пребывание на заколдованной миром земле, смыкает наши веки, притупляет наши чувства, наша совесть теряет свою чувствительность, а наши способности теряют свою энергию. Мы засыпаем даже на сторожевой башне, забыв, что ночь прошла, и день уже наступил.

И пока мы пребываем во сне или полусне, все идет не так. Наши движения вялы и безжизненны. Наша вера становится немощной. Наша любовь охладевает. Наше рвение остывает. Свежесть других лет уходит. Наше дерзновение оставило нас. Наши замыслы беспечны, и вяло осуществляются. Мы препятствуем работе Божьей, вместо того чтобы помогать ей. Нас приходится вытягивать на нее. Мы портим ее.

Но Бог не хочет, чтобы это было так. Ни ради Своей работы, ни ради святых, Он не может позволить этому продолжаться. Нам необходимо пробудиться любой ценой. Нам нельзя спать, как спят другие. Мы должны быть бдительными и трезвыми, ибо мы – дети света и дня, а не ночи и тьмы. Бог не может позволить нам таким образом растратить свою жизнь, как если бы она была просто игрой или безделушкой. Обязательства выполняются лениво и безжизненно. Молитвы наполовину искренни. Манеры, может быть и безукоризненны, но малодушны и невыразительны, а значит, и невлиятельны. Возможно, слова сказаны хорошо и мудро, но без веса. Бог не будет этого терпеть в святом. Либо холодность Сардиса, которому Он говорит: «Если же не будешь бодрствовать, то Я найду на тебя, как тать, и ты не узнаешь, в который час найду на тебя». Или же теплота Лаодекии, которой Он говорит: «Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих».

Вначале Бог будит нас нежно. Он слегка прикасается к нам, как ангел прикоснулся к Илии под можжевельником, чтобы разбудить нас. Он посылает легкую неприятность, чтобы встряхнуть наше чувство безопасности. Он заставляет нас услышать далекий шум: это могут быть бедствия народа или это могут быть налеты голода или война или чума где-то вдалеке от нас. Возможно, это совсем не сработает. Мы и дальше спим себе спокойно. Наша жизнь, как и раньше, вяла и бесполезна. Тогда он подходит ближе, и обращается таким голосом, который можно услышать во всей нашей округе или же в кругу наших родных. И так тоже ничего не выходит. Тогда Он еще ближе подходит, потому что время летит, а мы все еще спим. Он говорит прямо в ухо. Он бьет по нежной части, пока не содрогнется каждая фибра нашего естества, и с каждым ударом сердце будет биться быстрее и быстрее. И кажется, что наше сердце пронзили тысячи стрел.

Затем мы встаем так, как после долгого сна, и оглядываемся вокруг себя, удивляясь, как мы могли спать так долго.

Но как же сложно разбудить нас до конца! Необходим удар за ударом в длительной последовательности, чтобы сделать это. Потому что после каждого пробуждения существует постоянная склонность снова задремать. Поэтому нам необходимо проснуться и бодрствовать, оставаться пробужденными. Какими скорбями обходится нам эта дремота – какими кровоточащими, разбитыми сердцами! Роскошь «беспечных на Сионе» потокаемая, возможно, годами, была куплена дорогой ценой.

«Думай о жизни», - была содержательная аксиома благоразумного немца. Другой говорит, цитируя раннего: «Твоя жизнь, будь ты самым жалким из всех сынов земли, - не пустой сон, но серьезная реальность. Она твоя. Это все что у тебя есть, чтобы ты смог противостоять вечности. Трудись, тогда, подобно звезде, не спеша, и все же не покладая рук».

Некоторые христиане трудятся, но не так, как пробудившиеся. Они движутся вперед по своему намеченному маршруту обязанностей, но с утомительностью. Их движения сдержаны и холодны. Они делают много хорошего, планируют многие хорошие планы, говорят восхитительные вещи, но ищут интенсивного пульса теплой жизни. Рвение, сияющее рвение – эластичное и негибкое – не относится к ним. Они никогда не обжигаются, но и не зажигают других. От звезды в них нет ничего, кроме ее холодности. Они могут смело ожидать добрый острый удар наказания, потому что они нуждаются в нем.

Есть и другие, которые просыпаются только урывками. На них нельзя смело положиться, потому что их рвение зависит от временного настроения. Естественный импульсивный темперамент, о котором, они недостаточно хорошо знают, возможно, и который они не стремились ни распыть, ни отрегулировать, приводит их в состояние неуверенности в каждом их движении. Это скачкообразное пробуждение мало на что влияет. Они делают и переделывают. Они строят, и они же вырывают. Они с переменным успехом зажигают пламя, и они же это пламя гасят. В них нет ничего от «звезды». Они нуждаются в боли и в длительном угнетении, что уравновесить многообразные, порывистые движения их духа.

Есть и другие, которые кажутся всегда бодрыми, а оказывается, что это пробуждение суетности и неугомонности. Они нигде не могут ужиться, как только в неугомонности, планировании, движении туда и сюда. Их темперамент нервный, нестабильный, нетерпеливый, что превращает отдых или отставку в заключение и боль. Эти редко, когда влияют на самих себя, но они зачастую полезны, благодаря их постоянной неугомонности и постоянному движению, для того, чтобы привести других в движение или предупредить стагнацию вокруг них. Но их непрестанное движение мешает им наполниться необходимой благодатью. Их постоянная связь с внешними вещами религии препятствует их внутреннему росту и порочит их духовность. Эти, в каком-то смысле, точно подобны звезде, бодрствуют и не отдыхают, но они движутся вперед с такой скоростью, что вместо того чтобы собирать свет или проливать его, они каждый день теряют то небольшое, что у них было. Необходим глубокий, острый удар, чтобы вытряхнуть это ложное рвение и передать истинное пробуждение духа, к которому, будучи святыми, мы были призваны. Это углубление духовного чувства, необходимого в их случае, и для достижения этого необходимо много наказания.

Есть и другие, которые постоянно монотонны на работе, явно тоже со рвением. Но небольшая с ними беседа показывает, что они не полностью проснулись. Они работают настолько больше, чем молятся, что вскоре станут подобными сосудам без масла. Они находятся в этом дальше предыдущего класса верующих, и все же им необходимо пробудиться. Они подобны звезде «неутомимой и неторопливой», однако, их свет тускл. Его отражение на темный мир вяло и бледно. Им необходимы более глубокая жизнь и

более глубокий опыт. И для этого, может быть, для них припасено какое-то болезненное бедствие.

Истинная пробужденная жизнь отличается от всего этого. Эта жизнь полна интенсивности и глубины. Эта жизнь всегда несет с собой атмосферу спокойной и тихой божественности. Жизнь внутренней силы и внутреннего величия. Эта жизнь полна страсти, но не лихорадки. Она энергичная, но не возбужденная; быстрая в делах, но не суетная; сдержанная, но не боязливая или эгоистичная. Она непоколебима и бесстрашна, но не безрассудна; ненавязчива и иногда, может быть, молчалива, но все знают о ее присутствии. Она полна радости и мира, однако без показухи и шума; изобилует нежностью и любовью, и в то же самое время верная и настоящая.

Это пробужденная жизнь! Но, о, до того как ее полностью добиться, сколько раз иногда нам приходится страдать от непокорной плотской природы, которая не желает, чтобы мы полностью покорились Богу, и представили себя живыми жертвами для разумного служения нашего!

В таком пробуждении от дремоты наказание не просто делает нас более энергичными, более работающими, но и намного более молящимися. Возможно, именно в этом месте лучше всего чувствуется наше пробуждение. Ничто не оживляет молитву так быстро, как испытание. Оно сразу же ставит нас на колени и захлопывает за нами дверь нашей каморки. В день процветания у нас много удобств, много убежищ, где можно скрыться. А в день печали, у нас есть только одно убежище – и это Бог. Наша печаль слишком глубока, чтобы ее можно было поведать кому-то другому. Она слишком тяжела, чтобы ее кто-то другой мог утешить. Теперь мы пробуждены к молитве. Она была чем-то для нас ранее, но теперь она для нас – все. Помощь человеческая несостоятельна, и больше не на кого положиться, кроме Бога.

Наши тайные комнаты, в действительности, единственные вместилища света в мире, который теперь дважды темный для нас. Все, что вне и вокруг этой комнаты, - мрак. Тучи затемнили всю область. И только в каморке светло и уютно. Как пылко, и благодарно мы обращаемся теперь с ней! Мы могли бы провести все время на этом счастливом острове света, данном нам Богом среди штормового океана. Когда мы вынуждены иногда покидать его, как радостно мы возвращаемся к нему! Какие мирные часы уединения мы проводим там с Богом ради одного нашего соратника! Мы можем почти забыть, что эти тучи земли все еще над нами, и что ее бедствия все еще бушуют вокруг нас.

Молитва становится реальней чем раньше. Она теперь завоевывается так, как никогда раньше. Мы уже не можем без нее. Мы должны молиться о нуждах и о решении, посылая наш крик из глубины. Теперь это не просто форма. Она становится настоящей просьбой, настоящим прошением. Какая новая жизнь, новая энергия, новая искренность изливаются в каждом прошении! Теперь обращается сердце, и уста не могут подобрать нужных слов, чтобы придать серьезность его желаниям. Когда «мы не знаем, о чем молиться, как должно, но Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными». И эти «воздыхания» пробиваются и возносятся к уху Божьему. Раньше часто были уста без сердца. Теперь намного чаще это сердце без уст. Теперь мы знаем, как «Дух подкрепляет нас в немощах наших». Мы начинаем чувствовать, что значит «молиться в Духе Святом».

Существует новая близость с богом. Общение с Ним теперь для нас стало больше сознательной реальностью. Это близкое отношение к живому, личному Иегове. Новые аргументы возникают сами по себе. Пробиваются новые желания. Раскрываются новые хотения. Наша собственная пустота и Божья многогранная полнота предстают перед нами в таких живых красках, что зажигаются желания самой внутренней части души, и наше сердце взывает к Богу, к живому Богу. Именно скорби Давида пробудили молитву в нем. Именно чрево кита научило Иону громко взывать к Богу. И именно среди терновых кустов пустыни и оков Вавилона Манассия научился молиться.

Церковь Христа, избранное наследие Господа, проснись! Дети света и дня, пробудитесь! Длинная зимняя ночь почти закончилась. Утренняя звезда готовится взойти. «Впрочем близок всему конец. Итак будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах». (1-е Петра 4:7) «Что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть в искушение». (От Луки 22:46)

11

СЕРЬЕЗНОСТЬ

Смех и веселье принадлежат падшему миру. Они слишком поверхностны, чтобы иметь свое место среди святых, слишком пустые, чтобы о них было известно среди настоящегому счастливыми. С миром Божьим в наших сердцах мы чувствуем, что мы не нуждаемся в них. Они может быть нужны для детства, они может быть нужны миру, но не нам. Они не подходят нашим чувствам. Они недостаточно глубоки и тверды, чтобы быть в гармонии с нашей новой природой. Они не являются выражениями истинно счастливой души.

И все же мы живем в веселом мире, который повсюду звенит своим пустым смехом. Вокруг себя мы видим и слышим веселье, с помощью которого суетные люди стремятся обмануть свои постоянно изъедающие тревоги, успокоить их тревожную совесть, или утопить свои горькие печали. Зачастую похоже на то, что святые подхватывают тональность легкомыслия, веселясь с самыми веселыми, жестикулируя с самыми глупыми, распевая, возможно, песни суеты этого мира, произнося его пустые слова, бродя по его суетным тропам, как если бы его дружба и наслаждения не были запретными.

Однако вдалеке от пагубного влияния мира наш тон склонен понижаться, а наши манеры склоны терять твердость и серьезность, которые присущи святым. Почти неосознанно мы становимся легкомысленными и воздушными. Мы отдаемся ходу тщетных мыслей. Мы забываем запирасть свои уста на замок. Мы потакаем глупым разговорам и жестам в наших встречах друг с другом. Наше слово не «с благодатию, приправлено солью». Мы забываем увещевание: «Никакое гнилое слово да не исходит из уст ваших, а только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим».

Это пристрастие растет в нас. Серьезность теперь припасена только для каморки или святилища. Мы забываем о наших чертах характера святых, призванных из тьмы и освобожденных от лукавого века сего. Мы теряем из виду наше небесное происхождение и божественное усыновление. Все наши привычные мысли, чувства, речь и дела слишком сильно отражают ветреность невнимательного, легко-сердечного мира, аксиомой которого является: «ешь, пей, веселись»

Так разлагается наша духовность. Мысли о горнем закончились. Мы становимся от земли, земными. Наши души прилипают к праху, мы склоны пресмыкаться там. Мы становимся тощими и бесплодными, сами не растем и другим не помогаем расти. Наше соцветие не имеет запаха, наши ветви не приносят плода.

Мы печалим Духа Святого Божьего, хотя мы были запечатлены на день искупления. Он не может пребывать там, где ветреность и веселье, как и посреди богохульства и

преступления. Он уйдет из Храма, в который Он пришел, и в котором Он бы желал пребывать вечно, вынужденный уйти из-за нашего смеха и подшучивания, которые отражались эхом от священных стен. Как Он может жить в храме, который, будучи домом Божиим и домом молитвы, мы превратили в место торговли, зал пира и веселья, обителью увеселения и песен?

Как я уже ранее говорил, я не имею в виду, что святой должен быть постоянно мрачным. Нет. Не нам быть мрачными и меланхоличными. «Все линии для нас прочерчены в местах благоприятных». Мрачность и меланхолия не являются обитателями души, вкусившей радость прощения и ходящей в свете, как счастливый ребенок с любящим отцом. Но истинная радость есть нечто серьезное. Ее истоки глубоки. Это пробуждение глубоких источников сердца. Увеселение и гулянья не являются радостью. Подобно гляncy солнца на поверхности застоявшегося пруда, они – просто поверхностный отблеск света. В них нет ничего от теплого сияния, освещающего глубины океана на многие морские сажени вниз, как если бы сами воды были массой твердого сияния, и оставаясь несломленной и ясной посреди огромных волн. С приходом к Тому, Кто является источником всякой радости, святой Божий прощается с мрачностью. Скорбь да может быть, но не мрачность. Она оставила его навсегда в тот день, когда Спасителя познал он, и открыл уши свои для радостного звука. Теперь его наследие – мир.

И все-таки не увеселение – удел его. А радость. И эта радость не только превосходит это веселье, но и абсолютно противоречит ему. Это веселье является большим врагом настоящей радости, как и святости и духовности. Отсюда, оно должно быть искоренено. Бог не может терпеть это в Своих детях. Он желает, чтобы их желания были о горнем. Этот элемент мирского должен быть обрезан. Они должны стать серьезными и благоразумными. До этого момента Он навещает их с наказанием. Возможно, в какой-то момент Он повергает их в прах. Или с помощью медленного, но иссушающего, разрушающего бедствия, Он убивает и изгоняет глупость, которая стала самой текстурой их естества.

Его цель – сделать их благоразумными и серьезными. Он налагает на них то, что заставит их думать. Удар опрокидывает их, и сразу же все их веселье улетучивается. Они не могут смеяться и шутить теперь, когда их дом заброшен, а их сердце истекает кровью. Они оторваны от обещания с легкомысленным, сомнительным миром и посланы в самые полости их духовной сущности или же вперед в безграничную вечность, в просторах которой они не долго проживут.

Бедствия пробуждают нас к осознанию наших угождающих нам путей и нашего безразличия к состоянию мира, в котором мы живем, не только как мир греха, но повсеместно и миром отчаяния. Они связывают нас с твердой определенностью, и это производит благоразумие. Они «знакомят нас со скорбью» и это выметает все веселье. Скорбь и веселье не сотрудничают.

Истину лучше всего увидеть сквозь слезы. При рассматривании объектов через этого посредника, они принимают правильные пропорции и становятся на свой подходящий уровень. Тогда тени испаряются. Действительность окружает нас, и они делают нас серьезными. Тени делают нас только легкомысленными и суетными. Они никогда не шевелят глубины нашего существа, но просто мелькают по его поверхности.

Так Бог делает Своих святых серьезными, и в этом отношении ближе подводит их к пониманию ума Христова. Для него все было серьезным. Веселья в Нем не было. Все, что касалось Него, было невозмутимым, и все же серьезным и торжественным. И чем больше мы похожи на Него, тем больше это спокойная, счастливая торжественность овладевает нами. Мы должны прожить не только бодрую, но и торжественную жизнь. Все наши манеры будут говорить о глубине безмятежности, которая обитает внутри нас. Наши взгляд и тон будут торжественными, и сами по себе свидетельствовать о Боге и осуждать мир. Мы должны быть людьми пробужденными и живыми, людьми ревностными и без шуток; людьми, которые не находят удовольствия в веселье, потому что оно несравнимо с

глубоким миром, который является их уделом, людьми, которые чувствуют, что у них нет времени для этого, потому что вечность уже близко.

Да, близкая вечность обличает и изгоняет ветренность. Это ее склонность даже без положительного испытания. Именно вечная жизнь делает жизнь на земле такой торжественной. Отдели эту жизнь от будущей, и человеческое самое долгое время будет иметь не больше значения трепетания листочка, или смерть не больше падения лепестка. Но прикрепи безграничное и вечное к нашему нынешнему существованию, и все в жизни станет могучим, важным, торжественным. Самые короткий момент, который приходит и уходит – место встречи двух вечностей. Пересечение этой узкой тропы с камнями по сторонам безграничного восхождения и теряющегося в непроницаемой полночи, как мы можем не стать серьезными, разве что наши глаза будут закрыты или разума лишимся!

Внезапная острая боль, которая простреливает наш каркас и заставляет каждое волокно, трепетать была бы переносимой, если бы длилась мгновение, если бы она умерла и была похоронена с нами в одном гробу, если бы не было способности вечно мучаться в нашей природе, или не было бы вечности, в которой эта способность сама бы развивалась. Кратковременное жало – пустяк, но вечное мучение от жалящего неумирающего червя нельзя передать словами. Также и волнение свежей радости, которая заставляет человека биться в конвульсиях радости, будет недостаточной. Было бы хуже иметь или потерять ее, будь она только подобна молнии, вспышке во всей ее яркости, а затем погасить ее навечно. Но природа, одаренная способностями для безграничного наслаждения, и с целой вечностью, в которой эти радостные бутоны раскроются, превращает нашу жизнь в глубокую и ужасную реальность. Цветок, собирающий свои лепестки и собирающий свои лепестки при закате дня, может быть беззаботно попрун ногами. Но звезда, которая вечно вращается по своей орбите, либо лучезарна в красоте, либо темна во тьме своего собственного хаоса, является предметом изумления и восхищения.

Такова жизнь человека! Не жизнь одного или нескольких людей, но жизнь каждого человека. Сама по себе она может показаться игрушкой, простой жизнью насекомого. Но в связи с вечным будущим она становится ужасно реальной и серьезной в этом аспекте. Мы можем быть благородных кровей и знаменитыми на этой земле, или мы можем быть бедными, необразованными, людьми, занимающихся тяжелым трудом, наша жизнь все равно – огромная реальность. Она не просто тень или радуга или сон ночной, но невыдуманная реальность во всех ее частях, больших и малых.

Такой в особенности является жизнь святого! Он не только знает, что есть вечность, но он видел и почувствовал ее. Каждый час он смотрит на нее, подобно тому как путешественник смотрит через темный и безграничный овраг, по какой стороне дороги он идет. Он не только знает, что существуют такие понятия, как прощение и вечная жизнь, но он и нашел их, он вкусил их. Глаза его прозрели, и теперь он оказался в самой гуще этой действительности. Они вокруг него со всех сторон. И в особенности, когда он, «ожидая блаженного упования и явления славы» господя, чувствует, какую он призван вести торжественную жизнь, и ему становится плохо от веселья и гуляний, как это было с первосвященником, когда он находился за занавесом непосредственно под лицезрением славы. Даже без положительного бедствия наказания, есть еще, что необходимо сделать в святом серьезным в том, что он видит и знает о вещах, какими они являются. Умиравший мир, стенающее творение, проклятая земля, разделенная, кровотокающая церковь, отсутствие жениха – этого всегда достаточно подчинить и смягчить остов верующего. И таким образом он проходит через землю подобно Павлу, после того как тот увидел третье небо – обитатель другой звезды, который слишком счастлив, чтобы был мрачным, но слишком счастлив, чтобы быть легкомысленным или суетным.

12

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Всякое бедствие полно предостережений. Оно имеет много голосов, и даже те разнообразные. Оно дает совет, оно произносит упрек, оно говорит о любви. Но оно также произносит и предостережение. Давайте прослушаем некоторые слова предостережения:

1. Сказано: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей» (1-е Иоанна 2:15). Никто насильно не заставляет прислушаться к этому предостережению, настолько же серьезному, как и то бедствие, которое оно несет. Оно раскрывает пустоту мира, и говорит: «не любите». Оно показывает нам всю красоту завядшего растения и говорит: «не любите». Оно провозглашает абсолютную невозможность любви к миру и к Отцу. «Кто любит мир, в том нет любви Отчей». «Не знаете ли, что дружба с миром есть вражда против Бога?» Не может быть дружбы между Богом и миром. Они не могут обитать вместе под одной крышей или в одном сердце.

2. Сказано: «При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имущества» (Луки 12:15). Богатства тут не помогут, и земное утешение не сможет помочь нам в час печали. Они не могут высушить слезы, не воссоединить разорванные узы, они не могут исцелить живых, ни вернуть мертвого. Они не приносят пользы в день тьмы. Их суета и пустота не могут быть тогда скрыты. «Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил?» Вот тогда мы понимаем, что нам нужно «сокровище неоскудевающее на небесах». «Советую тебе купить у Меня золото, огнем очищенное, чтобы тебе обогатиться»

3. Сказано: «Удерживайтесь от всякого рода зла». (1-е Фессалоникийцам 5:22) «Гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотью». Мы должны ненавидеть не просто плоть, но даже и одежду. Одежда не только загрязнена и окрашена плотью, но даже «осквернена» ею. Это не просто держаться подальше от зла, но и от всего проявления зла. Страдание учит нас съезживаться от греха, даже от самых дальних и самых непрямых связей с ним. Оно говорит: «О, не делай этой мерзости, которую я ненавижу!»

4. Сказано: «Не сетуйте, братья, друг на друга» (Иакова 5:9). Пусть не будет половинчатой любви в семье Божьей. Давайте не дадим места ни зависти, ни ревности, ни недопонимания между братьями. Почему мы должны быть менее дружными, чем друзья, товарищи по несчастью, товарищи по оружию здесь? Почему должны мы, разделяя общую опасность и общее изгнание, нести друг для друга ничто, кроме симпатий сильной привязанности? Почему мы не можем любить друг друга пылко чистым сердцем? Однако, зачастую нам необходимо бедствие, чтобы научиться нас этому, удалить нашу зависть, и соединить нас вместе, как братьев в сострадании и любви.

5. Сказано: «Дети! храните себя от идолов» (1-е Иоанна 5:21). Если там останется хоть один идол, разбей его на куски и сожалеешь о нем. Ничто не приносит столько плодов страдания как идолопоклонство. Ничто не показывает так принудительно тщетность наших идолов, как страдание. Лишь только бичеванием веревками Христос бьет покупателей и продавцов, не допуская земной торговли в доме Его Отца.

Я даю эти предостережения просто как пример. Это лишь некоторые из тех, которые можно было бы представить. Нет места, чтобы можно было процитировать еще, хотя можно легко найти и больше. Две главные мишени, против которых направлены предостережения о наказании, похоже, - самолюбие и мирская жизнь. Божий замысел состоит в том, чтобы выбить их полностью из нас

1. Самолюбие. «Потому что все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу». Это была жалоба Павла не о безбожниках, а о церквях Христовых. Именно эгоизм, который он видел в святых, стал причиной этих печальных слов.

Это самолюбие разнообразно, что касается вещей Христовых, или что касается Церкви Христа, или что касается работы, данной нам, или что касается жертв, которые мы призваны принести, и мук, которые мы призваны претерпеть. Будет легко показать, как Божьи наказания указывает на все эти формы самолюбия, нацеливая смертельные удары на каждую из них внутри и вне круга. Но это слишком большое поле. Мы просто возьмем первую, и только этого мы можем коснуться только. Она самая важная из них всех, и так связана с остальными, что если искоренить ее, то погибнут и другие.

Самолюбие в отношении дел Христовых очевидно исходит из холодности к Самому Иисусу Христу. Предпочтение себе, а не Христу – его корень и источник. Тогда все, что склонно омрачать или удерживать от взора личность Христа, должно вести к самолюбию. Это может быть любовь к миру, это может быть любовь к творению, это может быть любовь к человеческой похвале. Это темные тела, которые затмевают славу живого Спасителя и подкармливают себя. Но это еще не все. У Сатаны есть еще более коварные замыслы. Он ставит религию между нами и Спасителем! Религиозные поступки, таинства, обязательства, литургии – все превращены им во множество инструментов для вознесения себя и умаления Спасителя. Но даже это еще не все. Самый свой коварный замысел он оставил на эти последние дни. Он пытается превратить дело Христово в замену Своей личности, приковать внимание к одному настолько крепко, чтобы исключить другое. Результатом этого становится абсолютно эгоистичная и сектантская религия. Я знаю, что это очень деликатная тема, но зло растет, и должно быть известным.

Немало таких, которые настолько заняты истиной, что забывают «истинного», настолько заняты своей верой, что теряют из виду сам предмет веры, настолько преданы делу Христову, что упускают из виду Его личность. Кажется, что они считают второй предмет самым главным вопросом, когда придется волноваться перед ликом Христа. Кто Он – кажется неважным вопросом, потому что они знают, что Он совершил работу, посредством которой они могут обезопасить вечную жизнь. «Мы прощены», говорят они, «у нас есть мир – все прекрасно». Они мало интересуются личностью Того, кто искупил эти благословения. Искупление – все, а Искупитель – ничто, или, по крайней мере, что-то незначительное! Достаточность Его дела – это все, слава и превосходство Его личности – ничто! Что же это, если не самолюбие? Мы получаем всякую пользу, которую только можем, из дела Христова, а затем оставляем Его одного! И эта самолюбие представляет себя повсюду в действиях, и думает об этом классе. Мы можем проследить это в характере их доктрин. Их взгляды на искупление эгоистичны, будучи образованы не на принципе того, как Бог исполнит Свою цель и явит Свою славу, но просто на том, как грешнику спастись. Их взгляды о владычестве Иеговы и избирательной благодати эгоистичны, будучи просто множеством идей о том, как вырвать грешника из рук Божьих и поместить его в свои. Их представления о работе Духа эгоистичны, будучи просто попыткой представить Его помощь менее необходимой, а человеческие навыки и силу очень полезными в вопросе спасения. Но даже там, где не были приняты эти эгоистичные

взгляды о доктрине, среди многих верующих существует латентная склонность становиться эгоистичными, что может быть предписано только их незнанию личности Христа.

Но что наказание имеет с этим общего? Многое и повсюду. Самое главное во всем этом то, что это толкает нас полностью к личности Спасителя. Мы никогда не чувствовали себя ближе к живому Спасителю так, как в дни нашей скорби. Лишь только Иисус и только Сам Иисус, является абсолютно необходимым. Истина драгоценна. Его дело драгоценно. Но в основном только с Ним мы можем выполнять ее. Лишь только Ему мы можем изливать наши печали.

Итак, создав необходимость в нашем уповании на личность Иисуса (блаженная необходимость!), бедствие бьет по той части, что являлась корнем самолюбия. Представив нам другое более восхитительное «я», оно поглощает наше собственное несчастное «я» пока в личности Иисуса мы полностью не потеряем самих себя из виду. Нет ничего другого, что могло бы нас настолько хорошо познакомить с Самим Христом, как печаль. И отсюда, нет ничего настолько эффективного в искоренении себя. Это Божье лекарство против эгоизма. Это Его способ заставить нас не искать выгоды для себя, но пользы для Иисуса Христа. Это Его способ отвести нас за грань истины, даже до «Него, Истинного». Истина драгоценна, но сама по себе она холодна. Но слава благовестия такова, что выносит нас за пределы истины к ее живому главному источнику. Не говоря уже о том, что она помещает нас в само лоно Того, Кто Сам вышел из лона Отца, и теперь вернулся в Него, неся с Собой всех тех, кого Ему дал Отец, чтобы там с Ним они пребывали в счастливом общении, в бесконечном мире.

Это, однако, довольно большая тема, и это лишь несколько намеков на нее. Однако мы не можем рассматривать их здесь дальше. Мы отправимся дальше, чтобы обратить свое внимание на другое зло, против которого направлено обличение Божье.

2. Мирская жизнь. Мы видели, что лекарство Божьим против самолюбия – поставить перед собой другое «я», чтобы полностью раствориться в личности Иисуса. Теперь мы должны увидеть, что Его лекарство против мирского образа жизни – поставить перед нами другой мир, более восхитительный того, который Он призывает нас оставить. Против этого нет абсолютного лекарства. Недостаток веры приводит нас к мирскому образу жизни. А когда очи веры устремлены на грядущий мир, тогда мы узнаем, как помышлять о горнем. Однако пока здесь все будет ярко, нас такая жизнь вполне устраивает. Мы позволяем себе утопать вниз, и тихо ютиться среди дел земных. Но когда Бог лишает наши дома крыш, или опровергает наши основания землетрясением, тогда мы вынуждены посмотреть вверх и увидеть лучшую и более терпеливую участь. Многие такие встряски, однако, часто необходимы для того, чтобы наши души были оторваны от их привязанности к праху.

Противоположное мирскому образу жизни – это образ мышления о горнем или духовное мышление. Это в некоторой степени производит новый привкус, который придает Дух Святой в момент нашего обращения. Но он слабый. Он легко улетучивается. Он не достаточно отчетлив, чтобы справиться с большим искушением. Бог желает придать более сильный привкус делам Божьим, и разрушить вкус дел времени. На это Он воздействует, препятствуя процветанию всего того, в чем мы находим земное наслаждение, чтобы, лишившись объектов для «помышления» о земном, из безысходности мы стали «помышлять» о горнем. Он высушивает все «нижние источники» радости земной, чтобы мы могли вверить себя «верхним источникам», которые никогда не подведут.

Есть много мирского среди святых. Мирское есть в их побуждениях и поступках, мирское есть в их семейной жизни и в их общении с обществом, мирское есть в обстановке их дома и в образовании их семей. Мирское есть в их расходах, так сильно вложенных в них самих, и так мало для Бога. Мирское есть в их религиозных помыслах, движениях и обществах. Мирское есть в тех книгах, которые они читают, в их беседе. Короче говоря,

слишком много духа основательной мирской жизни во всем их манере вести себя, и очень мало спокойного, счастливого превосходства перед делами земными. Они раздражены, обеспокоены, суетны подобно миру. Они не любят усердно трудиться, или утомляться, или платить, или раздражаться из-за дела Христова, или из-за служения своим сотоварищам. В них много от мира, мало от Небес. Они – люди, у которых нет ни большого сердца, ни щедрой руки. Они не желают тратиться и быть растраченными, не неподвижные и невозмутимые, как те, у которых глаза сосредоточены на нетленном наследии, в права владения которого они вскоре вступят. Они нечестолюбивы в делах Божьих.

Возможно, существует мало вещей, против которых нам требуется быть более осторожными, чем против этого духа мирского образа жизни. Церковь слишком склонна забывать свой характер пилигрима в этом нынешнем лукавом веке и жить подобно гражданину земли. Ее достоинство вечной избранной Отцом потеряно из виду. Ее надежда наследника славы и царства Сына тускло. И, о, как много печали она готовит сама себе такой потерей цели своего призвания! Какое опустошение, может быть уже сейчас, нависло над скинией многих святых, потому что они не желают выйти и отделиться, потому что они отказываются быть «скитальцами на земле, как и все их отцы были». Воистину печально, что нам необходимо бедствие, чтобы познать это!

Почему же тогда должны мы, чьи дом и сокровища наверху, снова искать наш дом или наше сокровище здесь? Почему мы должны стремительно падать вниз с нашего небесного подъема, чтобы снова смешаться с той компанией, которую мы оставили? Разве мы раскаялись в нашем выборе? Разве мы стыдимся нашего посоха пилигрима и нашей морской травы? Конечно же нет. О, если быть скитальцем на земле, значит, быть отделенным от греха и грешных appetites, от обольщающей суеты и бесполезных насмешек мира, от восхитительной красоты и опасного великолепия это разлагающейся сцены – если быть скитальцем на земле, означает, быть другом Богу, членом небесной семьи, предполагаемым наследником царства, и законным наследником венца славы, то у кто не желает тогда быть скитальцем?

Какую еще почесть мы должны искать, помимо той, чтобы делиться бездомным образом жизни Иисуса и Церкви изначально? Почему мы должны стремиться к близким отношениям и общению с таким миром, как этот? Если бы мы знали, что другого такого справедливого наследства нет, тогда мы бы не блуждали, страстно желая наших оставленных удовольствий. Но у нас есть удовольствия, которые находятся одесную Бога вечно, и что тогда для нас земные соблазны? Что для нас просторы и звуки земли, для тех, кто «увидит Царя в красоте Его», и слышит Его голос, в чьи уста излита благодать? Что для нас зеленное плодородие земли, для тех, кто будет владеть новой землей, когда «зима уже прошла; дождь миновал, перестал»? Что для нас веселая слава городского богатства и помпезности, для тех, кто станет гражданами Нового Иерусалима, где пребывает слава Бога и Агнца, основания которого – драгоценные камни, стены которого из ясписа, врата которого из жемчуга, улицы и тротуары которого из прозрачного золота?

Тогда «со страхом проводите время странствования вашего». Подпояшем чресла наши и зажжем светильники. И приготовимся ко встрече с Господом нашим. Если не будем внимательными, если будем отвергать предостережение, наше наказание для нас станет острым и болезненным.

Настоящее выглядит временем особенного предостережения святым. Многие подлежат обличениям Господа. Бог обращается к Своим очень близко и очень серьезно. На многих святых в этот момент Он тяжело опускает Свой жезл, потому что Он будет вынужден предостеречь и пробудить их до того, как придет лукавый день. Он обращается с ними так, как поступил с Лотом в ночь до истребления Содома. Пусть же святые тогда будут предупреждены. Пусть они будут ревностными, расскаются и делают свои первые дела. Выйдите, отделитесь, не прикасайтесь к нечистым делам тьмы; облекитесь в оружие света. Он призывает их подняться на уровень выше в духовной жизни, чтобы покончить с

колебаниями, сомнениями и компромиссом. Он призывает их учесть апостола и Первосвященника их исповедания и пойти по Его стопам. Он призывает их посмотреть на это облако свидетелей, и свергнуть с себя всякое бремя и запинаящий их грех (неверия) и с терпением проходить предлежащее им поприще, «взирая на начальника и совершителя веры Иисуса».

Церковь Живого Бога! Остерегайся! Не угождая самой себе, даже Иисус не угождал Самому Себе. Живи для Него, а не для себя, для Него, а не для мира. Ходи достойно имени и призвания твоего, достойно Выкупившего тебя Невестой Своей, достойно своего вечного наследства.

Будь готова! Предупреди мир! Наказания, которые так густо пали на тебя – предтечи огненного ливня, готовящегося для земли. Будь готова тогда, остерегай их – умоляй и проси их бежать от собирающегося гнева. Им нельзя терять время, у них его просто нет, как и, впрочем, нет и у тебя. Последняя буря уже в пути. Ее темные лоскутья уже видны в небе. Начался суд над домом Божиим, и если так, каким будет тогда конец тех, кто не слушается евангелия Божьего!

13

ВОСПОМИНАНИЯ

«Памятными соделал Он чудеса Свои; милостив и щедр Господь». (Псалтирь 110:4) Да, они для «вечной памяти». Их смысл не заключался в том, чтобы о них забыли, они необходимы, чтобы сделать забывчивость почти невозможной. И все-таки мы теряем их из виду. Они проходят «словно старая древняя сказка».

Его наказания располагаются среди самых чудесных Божьих дел. Они специально для того, чтобы мы помнили о них. Сами по себе они совершенно недостойны этого. С их связью с нами это более похоже. Ни одно из них так уж незабываемо, потому что ни одно из них не записано так глубоко в сердце. Они переплетены с тем, чего мы боялись или на что мы надеялись в другие дни. Они «начертаны были резцом железным с оловом, - на вечное время на камне вырезаны». Ни один железный резец печали не сможет так написать неизгладимо на душе.

Просто такие дела Божьи с нами, как скорбь, не вскоре забудешь. Мы получаем удовольствие, вспоминая о наших слезах и печалях. Но это зачастую просто эгоистичная меланхолия, уединившаяся в раздумьях над странной историей. Иногда, также, это гордость. Мы находим гордое удовольствие в мыслях, что никто не страдал еще так, как мы. Иногда это просто мирская сентиментальность. Мы сидим, погружившись в раздумья об увядших лепестках, или вспоминая образы давнего заката солнца, или же противопоставляя тление земли с пребывающей красотой гладкой небесной лазури.

Но не этого желает Бог. Он не стремится к простым воспоминаниям о скорби, но к воспоминаниям о скорби, как наказании – или скорби, связанной с Его благодатными отношениями к нам. Душевное сердце разделяет эти две вещи. Оно помнит одно, но забывает второе, и так расстраивает Божий замысел. Он постоянно представляет нам Себя. Он стремится, чтобы Он был перед нами, не просто связанным со всей нашей настоящей и будущей историей, но и как нераздельно переплетенный со всем прошлым.

Вот так Он выразил Свои мысли Израилю касательно этого предмета. «И помни весь путь, которым вел тебя Господь, Бог твой, по пустыне, вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя, чтобы испытать тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди Его, или нет; Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живет человек; одежда твоя не ветшала на тебе, и нога твоя не пухла, вот уже сорок лет. И знай в сердце твоём, что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего». (Второзаконие 8:2-5)

Эти воспоминания о пустыне Он желал записать на сердце Израиля на веки вечные. Очевидно Он ставит на это большое ударение. Он бы не позволил им потерять полезность их блужданий по пустыне. Они были слишком цены, чтобы забыть о них. Сорок лет близкого и уединенного общения с Богом в таких разнообразных путях должны были

научить их многому, как о Нем, так и о них самих, что заслуживало вечной памяти. Каждое название было связано с чудесным событием, каждый камень мог рассказать свою собственную историю. Их враги и опасности, их голод и их жажда, манна и вода, ворчания и благодарение, их путешествия и стоянки, их одежда, которая не ветшала, железо и медь – запоры их, и ноги их не пухли, и самое главное, облако останавливалось над ними, и скиния Иеговы была устроена посреди них – это памятные сцены. И они все были связаны с пустыней. Никогда ранее не было такого сбора чудесных дел, и ничего такого с тех пор не происходило на земле. Оно могло произойти, но лишь однажды. И в тот единственный раз необходимо было предоставить предмет для воспоминания Израилю, отражаясь как драгоценное наследие для их детей и детей их детей навеки.

То же и со святым касательно его дней и испытаний в пустыне. Их нельзя забывать так, как если бы они отслужили свою цель. Их необходимо всегда выставлять перед нами – не просто хранит их в памяти подобно тому, как хранилась манна в ковчеге, но питаться этим каждый день. В этом значении печаль может стать самой полезной для нас даже тогда, когда ее горечь давно уже прошла. Она может снабдить нас сокровищем благословений для всей жизни. Она может быть шахтой с золотом для всех дней жизни нашей. Мы слишком мало знаем об этом. Мы смотрим на испытание слишком долго, как на проходящий ливень, который льет, а потом уходит. Но с другой стороны, это в действительности удар по скале и выбуривание нового источника, воды которого будут сопровождать нас все дни блуждания. Польза от наказания никогда не должна быть исчерпанной. Они должны проливаться в свежести каждый час. Даже когда мы сидим спокойно в сиянии солнца, мы можем извлечь пользу из нашего бурного прошлого. Это утешение для наказанной души. Ибо как часто в такой ситуации короткая печаль превращается в долгую радость. И, похоже, как если бы то, что мы получили от этой печали, было более богатым видом благословения, более святой и глубокой радостью. О, давайте помнить прошлые испытания и осторожно хранить их, как самые отборные из наших земных сокровищ! У святого, у которого этого было много в прошлом, есть хорошая причина прославиться в своем наследии. «Истинно, ни один крест не должен казаться нам древним. Мы не должны забывать о них, потому что годы проходят между нами и ними, и выкидывают их подобно тому, как мы выкидываем нашу ветхую одежду. Мы можем использовать ветхий крест и в новое время, и также плодотворно, как это было вначале» (Самуил Рутерфорд). Именно это в особенности используется для смягчения влияния, которое так часто рассматривается как бедствие. Во время самого давления печали, этого гораздо меньше. Возможно, мы были слишком ошеломлены и оглушены, что почти были лишены чувства. Или если мы почувствовали, тогда все еще было так много острой боли и горечи в этом, что были скорее ранены, чем смягчены. Было так много борьбы и смущения духа, что иногда мы спрашивали, если мы вообще получили какую-то пользу, и думали, что печаль была слишком большой, чтобы быть продуктивной.

Но в прошлом все было другим. «Всякое наказание в настоящее время кажется не радостью, а печалью; но после наученным через него доставляет мирный плод праведности». Рана перестала кровоточить, и, хотя она и оставит навсегда шрам, она больше не открытая. Вот тогда продолжается процесс смягчения, и помогает пробудить каждое воспоминание о прошлом. Этот менее постижим других. Мы не настолько прямо осознаем его. Но его молчаливое влияние на наш характер, наш темперамент, нашу волю, наш суд чудесно. Смертный одр, прощание, похоронная сцена, открытый гроб, грубые удары земли о гроб, закопанная могила, дерн, раскинутый руками незнакомца, подобны мечам, пересекающим все жизненно важные члены тела. Но они скорее опечаливают, чем смягчают. Память об этих сценах, частое посещение закрытого гроба, спокойствие после изучения этого и размышления об этом, Божий замысел во всем этом – так нежно всю жизнь влиять на душу. Они окружают нас смягчающей атмосферой, и свет, который они

проливают на нас – это свет заката солнца, спокойный и оттененный в своем прохождении через вечерние облака.

Существует еще одна сторона ценности этих воспоминаний. Они учат нас тому, что Бог истинен. Сами испытания учили нас этому. О память о них учит нас еще больше. И этому уроку даже многие святые должны научиться. Даже их необходимо наверняка научить тому, что Он Аминь, «верный и истинный», и во всем, что Он говорил Церкви Своей, Он был истинен. Какие освежающие подтверждения этого мы собираем, когда вспоминаем прошлое и видим, как Господь вел нас! Мы можем добавить свое «Аминь» каждый день, о чем провозгласил Иисус Навин на одре смертном своем: «Вот, я ныне отхожу в путь всей земли. А вы знаете всем сердцем вашим и всею душою вашею, что не осталось тщетным ни одно слово из всех добрых слов, которые говорил о вас Господь Бог ваш; все сбылось для вас, ни одно слово не осталось неисполнившимся». (Иисус Навин 23:14)

Да, «все содействует ко благу» - как прошлое, так и настоящее. И таким образом мы пьем из наполненного источника. Многочисленные притоки втекают в этот поток. В этом году «до лодыжек». В следующем году он будет «до колен». После этого он поднимется «до чресл». И когда достигнет океана, неся нас спокойно в своем лоне, поток будет уже великой рекой, «которую нельзя обойти вброд».

Однако, как мало святой научился ценить эти памятники наказания, эти воспоминания о пустыне, которые так богаты наставлением, так наполнены благословением и радостью!

14

УТЕШЕНИЕ

«Ибо надлежало, чтобы Тот, для Которого все и от Которого все, приводящего многих сынов в славу, вождя спасения их совершил через страдания». Именно это стало причиной того, что Сын Божий облачился в плоть и погиб. Так широко и достойно Иегова обдумал это, что угодно было Ему для достижения этого совершить вождя спасения их через страдания. (Евреям 2:10). Это было объектом достойного Бога, «для Которого все и от Которого все». Это был объект достаточной славы, чтобы представить это «становлением» в Нем, заставить Иисуса пройти через страдание и смерть, и оправдать Отца, не сжалившись над Его единородным Сыном.

Те, для кого Бог сделал все это, должны быть очень ценными в Его глазах. Он должен быть сильно серьезным, чтобы благословить их и забрать их с Собой навечно. Радуюсь так в Енохе, что Он больше не мог выносить разделение и расстояние, но взял его к Себе без того, чтобы тот вкусил смерть, и еще задолго до этого Он пробежал общее ристалище человека, так и со святыми Его. Он спешит привести их к славе, ибо день, когда Он отсутствовал, был длинным.

Для них Он оставил в запасе славу, которая должна быть исключительной, ибо Он настолько желал привести их к ней, что был готов пожертвовать Сыном Своим и предать Его скорби. Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, и все же это все – реальность. Бог не стыдиться называться нашим Богом, потому что Он приготовил нас для града. Будь тот град недостоин Его Самого, Он бы постыдился называть Себя «нашим Богом». Ибо это подразумевает большие благословения с Его стороны, и это приводит к большим ожиданиям от нас, ожиданиям, в которых Он не сможет разочаровать.

Он не посчитал этой славы, чтобы выкупить нас, слишком дорогой, даже если ценной стали страдания Его Сына единородного. Если тогда Бог так посчитал Свою славу, которой мы должны были быть приведены, разве не должны ли мы сделать того же? Если Он считал это достойным всех страданий Сына Его, разве мы не должны считать это достойным наших мелких страданий здесь? Разве не должны мы сказать: «Ибо думаю, что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас». (Римлянам 8:18)

Это утешение. Оно более естественно происходит для нас. И оно как по писанию, так и обязательно. Вот, что обычно предоставляют скорбящему святому, и вот, что он считает самым ценным и подходящим. Но, не смотря на то, что это самое обычное и самое душевное утешение, оно никак не единственное. Давайте представим еще несколько.

1. Иисус плачет с нами. «Во всякой скорби их Он не оставлял их». Он знает наши печали, потому что Он прошел чрез все эти печали, и таким образом Он чувствует, что чувствуем мы. Ему знакомо чувство наших скорбей настолько хорошо, как и наши немощи. Человек – сама суть человека – весь человек, даже в Своей славе Он вступает полностью в общение с нашими бременами и скорбями, какими бы они ни были, ибо нет такого, которого Он бы еще не вкусил, когда «обитал среди нас» здесь. Его сочувствие

глубокое, действительное и истинное. Это не выдумка, не заблуждение. Мы не видим, как Его слезы падают на нас. Мы не жмем Его руки, не чувствуем пульсации Его сердца рядом с нашим. Но все же Его общение с нами в страдании – действительность. Мы, может быть, не понимаем, как это возможно. Но Он понимает это. Он может заставить нас почувствовать это, понимаем мы это или нет.

2. Мы соделаны причастниками страданий Христовых. Как честь! Мы крещены Его крещением; мы пьем из Его чаши; мы уподоблены Ему в скорби, и после этого мы уподоблены Ему в радости! Как смягчает и подкрепляет! Если позор, и стыд, и бедность нам принадлежат, давайте, помните, что они Ему принадлежали также. Если нам придется отправиться в Гефсиманский сад, или взойти на крест, давайте, помните, что Он тоже там был перед нами. И когда мы удерживаем свой взор на этом, мы начинаем осознавать то чувство апостола, которое изливалось, когда он «радовался в своей скорби» ради Церкви, восполняя «недостаток (буквально остатки страданий Христовых) в плоти моей скорбей Христовых за Тело Его, которое есть Церковь» (Колоссянам 1:24). Рассудительная душа никогда не пожелает лучшей участи себе, чем участь Христа, и этого не сможет пожелать себе любящее сердце.

3. Страдания – жребий семьи. Об этом мы уже говорили, и мы возвратимся к этому, чтобы просто представить это более явно как утешение. Путь скорби – это часто посещаемый путь. Все святые прошли по нему. Там мы можем проследить их следы. Это утешает, к тому же, радостно помнить об этом. Мы были брошены в ковах в темницу, разве не утешение, знать, что многие мученики были там до нас, разве не будет радостным прочесть там их имена, написанные их собственными руками на всех древних стенах? Такое утешение мы можем изъять из всех страданий, потому что печь, в которую нас могут бросить, была уже освещена многими святыми.

4. Все содействует ко благу. Нет ничего неподходящего, несвоевременного или бесполезного. Из зла можно извлечь добро для святых. Из тьмы воссияет свет. Из всякой скорби приходит радость. Каждая боль, острая или легкая, делает свою работу – ту самую работу, которую замыслил Бог, ту самую работу, без которой мы не сможем. Постель скорби – не только подобна колеснице Соломона, вся «убрана с любовью», но и движется с большой скоростью, блаженно неся нас на себе к непорочному наследию. Силы земли, если их не поставить в одну черту, или около того, склоны противоборствовать друг другу и пленить общий импульс. Приди они из любого жилища или все из противоположных жилищ, они все же несут нас успешно вперед. «Все содействует ко благу». «Все нам принадлежит».

5. Для каждого испытания существует особенная благодать. По ходу того, как испытания выносят на свет слабость, которая в нас, так они подталкивают нас на встречу с силой Божьей – новыми источниками силы и благодати, которых мы никогда раньше не знали. В скорби мы можем быть немного уверенными в том, что узнаем нечто большее о Боге, чем мы знали это раньше, потому что в порядке вещей просто предоставить возможность, что показать нам, что Он посылает испытание. Как мало мы бы знали о Нем, если бы не скорбь! Какая полнота благословения приходит к нам, какие богатства любви рассеяны перед нами в темный и облачный день!

6. Скорбь – наша лучшая возможность прославить Бога. Именно на земле Он ожидает славы от нас, той славы, которой ангелы не могут дать, той славы, которой мы не сможем воздать Ему потом после этой жизни. Именно здесь мы должны проповедовать ангелам. Именно здесь мы должны показать им, какой у нас чудесный Бог. Наша вся жизнь внизу дана нам для этого. Но в особенности в скорби и при немощи Бог ждет славы от нас. Благословен наш Бог, когда мы видим борющееся, скорбящее чадо земли, твердо держащееся Бога, спокойно доверяясь Ему, счастливое и спокойное чадо посреди бури и страдания! Какое это зрелище для воинства Небесного! Тогда теперь время для святых воздать славу Господу их Богу. Пусть они посчитают скорбь временем и возможностью воздать эту славу лучше всего. И, о, какое утешение думать, что эта скорбь – в

действительности время для этого! Ах, конечно же, этого бы возжелал ангел, и где бы это было возможным, архангел бы с радостью поклонился там! Они могут прославлять Бога на Небесах посреди Его славы и блаженства, но не так, как мы можем прославлять Его здесь на земле посреди страдания и позора!

7. Мы избавляемся от греха. Каждая боль – это еще один гвоздь в грех, еще один удар, нанесенный плоти, разрушающий саму силу грешить. Войдя в нашу первую жизнь, грех сковал свою цепь на нас, и цепь за цепью обвил нас с собой. Когда мы получили в дар нашу вторую и лучшую жизнь, эти цепи начали по одной распутываться сами по себе. Скорбь еще быстрее распутывает их. И хотя этого не произойдет, пока мы не будем на смертном ложе, или пока не придет Господь Иисус, когда последняя цепь земли будет полностью распутана или разбита, все еще утешение думать, что каждое последующее испытание помогает блаженному завершению. Жизненные страдания не были бы слишком длинными или трудными, если бы с помощью них мы избавились от греха и греховных путей, и гнева, и стали более святыми, более небесными, более преображенными в образ Господа Христа. Когда мы впервые уверовали в Иисуса, мы были «освобождены от нынешнего лукавого мира». Однако это избавление не было завершено. Мир и мы еще не полностью разделились друг с другом. И таким образом Бог вставляет между нами и нашим миром скорбь подобно клину. Или Он посылает ее подобно плужному лемеху прямо против наших самых излюбленных надежд и ярких планов на будущее, пока Он заставит нас полностью устать от всего, что внизу. «Но ныне Он изнурил меня», сказал Иов. Мы не удивляемся жалобе. Ему принадлежали изнуряющие ночи. «Пахари пахали на спине Его» и провели много длинных борозд там. Он должно быть был сильно изнурен. Так должно быть и с нами. Бог тоже изнуряет нас, изнуряет нас повсюду, изнуряет нас полностью. Мы устаем от этого лукавого мира, устаем от самих себя, устаем от греха, устаем от страдания, устаем от этого смертного тела, устаем от этих порочных сердец, устаем от земли – устаем от всего, кроме Иисуса! Испытание от Него не может изнурить нас. Страдание делает Его только еще дороже для нас. Блаженное страдание, которое являет Его драгоценнее и мир грязнее, которое приближает Его еще ближе к нашим сердцам и выталкивает мир!

8. Пока мы здесь, мы готовимся быть полезными. У нас внизу лишь только несколько лет, и нас сильно волнует, чтобы это были полезные годы. У нас только одна жизнь, и мы должны положить ее для Бога. Но нам необходима подготовка, чтобы быть полезными. Нам необходимо полностью сломиться, полностью опустошить себя, быть совершенно израненными. Бог не сможет доверить нам успех, пока мы не станем кроткими. Мы недостойны принять его, а Он не получит славы. Поэтому Он посылает боль и тяжелые испытания, чтобы сделать из нас сосуды, подходящие для нужд Учителя. И зачастую мы видим, что самые тяжелые испытания – это предвестники нашей самой большой полезности. Когда мы полностью опустошены и сокрушены, тогда безопасно верить нам успех, потому что Бог получит всю славу. И, о, какие чудеса Бог часто производил с надломленной тростью! Да, эта сокрушенная трость чаще всего является инструментом в Его руке в сотворении Его могучих знамений и чудес. Вот это утешение! Со страдания снимут половину горечи, если оно принесет двойную порцию Духа, и подойдет для двойной пользы на земле.

9. У нас есть Дух святой в качестве Утешителя. Он может как утешить, так и освятить нас. Его имя «Утешитель». Его занятие – утешать. И для осуществления Своих обязательств, Он применяет Свою силу, не только посредством и косвенно через Слово, но и незамедлительно и напрямую к душе, поддерживая и укрепляя ее, когда она обеспокоена и слаба. Утешение – неизречимо знать, что есть рука, божественная и всемогущая рука, положенная на израненный дух, не только поддерживающая его, но и иссушая, как если бы сами истоки печали находились внутри. В день угнетающей скорби, когда мы склонены к праху, что заставляет нас чувствовать нашу нужду в руке, которая может близко и напрямую связаться с нашими душами, чтобы поднять и укрепить их?

Потому что именно здесь не срабатывает человеческое утешение. Друзья могут многое сказать, чтобы успокоить нас, но они не могут положить свой перст на сокрытое место скорби. Они могут положить руку на ослабевающее тело, но не на ослабевающий дух. К этому у них есть только дальний и косвенный доступ. Но приходит небесная помощь. Дух охватывает нас Своими вечными руками, и мы незримо поддерживаемся. Мы не можем утонуть, потому что Он поддерживает, Он утешает, Он подбадривает. И кто знает настолько хорошо как Он, как поддержать, как утешить и как подбодрить.

10. Время коротко. Нам предстоит путешествие не такое, как у Сифа или Ноя или даже Авраама. Наше путешествие не дальше ладони по сравнению с их путешествиями. Нам не предстоят многие дни страдания, не предстоят многие ночи бдительности, даже если вся наша жизнь будет наполнена многими утомительными днями и бессонными ночами. «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу». И помимо краткости нашего земного пути, мы знаем, что день пришествия Господа приблизился. Это утешение, потому что оно говорит нам не только о конце гонений, но также и начале нашего триумфа, к тому же, Не только о нашем индивидуальном отдыхе от бед, но о покое и избавлении всей Церкви вместе. Ибо тогда все «тело Христово, пробужденное или спящее, будет прославлено с их прославленным Господом. И вечная радость будет на их головах. В день тяжелой утраты, в день скорби над теми, кто уснул во Христе, это утешение в особенности ценно. Уснувших во Христе Бог возьмет с Собой. И если бы Господь был ближе, время воссоединения не было бы далеко. И кто лег вечером, спит целую ночь. Но тот. Кто лег к утру, возможно, имеет только час до того, как рассвет разбудит его. Так и с мертвыми во Христе в эти последние дни. У них не будет много времени спать, потому что уже четвертый час ночи и утренняя звезда уже готова взойти. Какое утешение! Как это успокаивает боль разлуки! Как это ободряет израненный дух! «Пробудитесь, и пойте, живущие в прахе» - теперь лозунг на каждый день. Мы занимаем свой пост на сторожевой башне, и всматриваемся во тьму ночную, чтобы разглядеть первые проблески рассвета. Мы прикладываем ухо к земле и слушаем, чтобы посреди всего шума земли, эха войны, бедствий народов, мы смогли уловить первые звуки колес колесницы нашего Господа. Эти колеса колесницы пройдутся в отмщении по полю битвы Армагеддона, сокрушая объединенные народы, собравшиеся против Господа и Помазанника Его, и также, чтобы забрать всех тех, кто был так долго обрученной Невестой, в лоно Мужа юности ее, желания души ее, Которого в слезах и в одиночестве она тщетно ждала столько много поколений, много веков.

11. Все есть любовь. Скорбь – это выражение родительской любви. Из самого глубокого дна источника любви скорбь изливается на нас. А любовь не может сделать нам зла. Она благословляет, но не может проклясть. Ее серьезность и поступки полны мира и радости. Ее желания – это огромные сосуды, в которые мы опустошаем себя, и более глубокий канал, через который мы протекаем. Это все. Она стремится сделать нас восприимчивей к доброте, и затем изливает доброту в нас. Да, любовь истинна, единственное происхождение самого острого удара, который когда-либо обрушивался на кровоточащее сердце. Истина состоит в том, что нет другого пути выявить скорбь, кроме этого. Гнев этого не покажет, забывчивость этого не покажет, шанс этого не покажет. Нет. Просто невозможно проследит это по какой-то другой причине, кроме любви. Признай это как ее источник, и все станет гармоничным, спокойным, совершенным. Отвергни ее, и наступят непонимание, жестокость и тьма. Карающая любовь больше всего исполнена веры, чиста, истинна, нежна, глубока. Пуст это будет нашим утешением.

12. Возлюбленные, «хорошо». Хорошо быть в скорби. Наши дни страдания здесь мы называем днями тьмы. После этого они нам покажутся самыми яркими и светлыми. В вечности мы будем прославлять Иегову в основном благодаря нашим скорбям и слезам. Поэтому они должны казаться нам благословенными настолько, что бы мы начали спрашивать себя, как мы вообще могли плакать и вздыхать. Тогда мы познаем,

насколько серьезно мы были недостойны всей этой благодати. Мы ничего не заслужили, кроме скорби. Наши все радости были от благодати, чистой благодати, а тем паче наши печали. От «преизобильного богатства благодати» приходит испытание.

ВЕЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

«Если терпим, то с Ним и царствовать будем». Нас уверили в этом. Единство в страдании здесь является залогом единства в славе после. Эти два аспекта неразделимы. Его позор принадлежит нам на земле. Его слава будет нашей на Небесах. Отсюда, «Но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь, да и в явление славы Его возрадуетесь и восторжествуете». (1-е Петра 4:13)

Воистину недостойно сравнивать страдания этого нынешней жизни с лавой, которая будет явлена в нас. Нетленный венец настолько исключительно яркий, и «наследие святых в свете» настолько великолепно, что мы должны устыдиться даже разговоров о нынешней скорби. Как вечный свет здесь поглотит тьму! Как благословения царства поглотят земные беды и жалобы! Один час вечности, одно мгновение с Господом заставят нас напрочь забыть жизнь в одиночестве. Но более того. Наши беды теперь лишь только усиливают грядущую радость. Наша скорбь не только «легка», не только «на мгновение», но работает на нас, увеличивая вес вечной славы. Наши скорби здесь только еще больше прибавляют к весу нашего вечного венца. Как это они делают, нам не сказано. Но достаточно нам того, что мы знаем с Божьего источника, что именно так и происходит. Должны ли мы тогда обижаться или бунтовать против того, что готовит нам такие радостные и точные результаты? В качестве вознаграждения Бог явил нам многое, по крайней мере, настолько, насколько могут охватить это человеческий язык и земные образы. В посланиях семи церквям Азии у нас есть полнейшее раскрытие этой многогранной награды. «Побеждающему» предоставляется изобильный «вес славы». Для каждого из семи победителей есть отдельная награда. И если получить их все, какая полнота безграничного благословения сосредоточена в этом семигранном вознаграждении! Одному победителю уготовано «древо жизни». Другому «венец жизни» и избавление от второй смерти. Другому «сокровенную манну» «белый камень», и в этом новое неизвестное имя. Другому честь стать столпом в храме Божьем, и написать на нем имя Божье и название града Его – нового собственного имени Божьего. Другому место на престоле Христа, соправление с Ним в Его наследии, потому что «Побеждающий наследует все».

Истинно это вознаграждение только «побеждающему». Это битва длиной в жизнь. Брань не только против плоти и крови, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной. Но затем, какой бы отчаянной не была война, она не вечна. Более того, она короткая, очень короткая. Ее конец близок, очень близок. И с концом придет триумф, и честь, и песни победы. Затем, также, последует мир, и возвращение утомленного войной воина в свою спокойную обитель.

Теперь мы слышим барабана мирный бой,
Домой, братва, пора домой.

Это радость святого. Он подвигом добрым подвизался, течение совершил, веру сохранил; И теперь готовится для него венец правды. Его битва закончена, и тогда для него ест покой и дом. Дом! Да, дом. И какой это замечательный дом, если можно в него вернуться и жит там вечно! Дом. Приготовленный еще до основания земли, дом со многими обителями, дом в самом центре творения, ближе всего к престолу и сердцу Божьему. Дом, чей мир никогда не нарушится звуками войн или бедствия, чье сияние никогда не будет омрачено далекой тенью тучи. Как утешительно для изможденного духа думать о том, что место для отдыха так близко, и это место для отдыха в доме нашего Отца, где мы не будем больше алкать и жаждать, где солнце не будет светить на нас, не будет жары, где Агнец, воссевший на престол, будет кормить нас и вести нас к живым потокам воды, и Бог сотрет каждую слезинку с наших глаз.

Время близко. Конфликты Церкви почти закончились. Ее борьба и скорби почти завершились. Еще несколько лет, и мы либо уляжемся отдыхать, либо будем подняты в сретение Господу на облаках, чтобы встретить нашего грядущего Господа. Еще немного разбитых оков, и затем мы будем связаны вместе в вечном братстве со всеми рассеянными членами земли. Еще пару восходов и закатов солнца, и затем взойдет во всей своей силе незаходящее солнце. Еще пару дней будет рассветать и темнеть, а затем воссияет один безграничный день. Еще пара облаков соберется над нами, а затем все небо будет расчищено навеки. Еще пара суббот придет, заполняя объем наших привилегий и завершая нашу судьбу этого времени, и затем начнется вечная суббота. Еще пара коротких лет, и мы войдем чрез врата в город, находящемся под сенью древа жизни, питаюсь священной манной и выпивая из чистой реки подобной кристаллу, которая берет свой исток из престола Божьего и Агнца. Еще пару лет, и мы увидим Его лик, и Его имя будет на наших раменах.

Это некоторые из вечных результатов, результатов, могучим образом возвышенных и усиленных нашими гонениями здесь. Потому что скорбь не только приносит нам пользу прямо здесь и сейчас, но и послужит нам также в вечности. Затем мы узнаем, сколько мы должны ей. Мы не знаем сейчас, что она делает для нас, но узнаем потом. Она готовит для нас «свободный вход в вечное Царство Господа», более тяжелый венец, более белое одеяние, более приятный покой, дважды драгоценней дом, благодаря долгому изгнанию и многим страданиям здесь внизу.

Эти результаты мы должны предвкушать теперь. Совершенная яркость хранится для нас, и мы знаем, что все, что возможно или потенциально из того, что благо и справедливо и благословенно, в один прекрасный день станет настоящим и видимым. Из любого зла приходит добро. Из греха приходит святость. Из тьмы – свет. Из смерти – жизнь вечная, из немощи – сила. Из увядания – цветение, из угасающей планеты, солнце для вселенной. Из гнили и руин – миловидность и великолепие. Из проклятья – благословение. И Воскресение должно доказать чудесную истину, что именно могила – место костей и праха чрево нетленного, бессмертного, великолепного, и непорочного.

Наша нынешняя доля, однако, - серьезность, а не наследие. Второе хранится для явления Господнего. Здесь мы видим сквозь тусклое стекло. Еще не явлено, чем будем мы. Мы – скитальцы, блуждающие в одинокой ночи, которые неясно видят на вершине далекой горы отражение солнца, которое никогда здесь не восходит, но, которое никогда не зайдет в «новом небе» после.

И этого достаточно. Это утешает и ободряет нас на нашем темном и жестком пути. Этого не будет достаточно потом, но на сейчас этого достаточно. Пустыня достаточна, пока мы не войдем в Ханаан. Скиния для нас достаточна, пока не появится «населенный город». Радости верующего достаточно, пока мы не войдем в радость лицезрения. Мы довольствуемся тем, что ходим «на гору мирровую и на холм фимиама», пока день не начнет дышать прохладой, и тени не начнут убегать».

Гораций Бонар (1808-1889) был служителем Свободной Церкви Шотландии. Сегодня он лучше всего известен благодаря своим гимнам (которых он написал более 600). Но в течение своей жизни он также был популярным писателем. Помимо «Ночных Слез», издательство “Christian Focus” издает «Следуй за Агнцем», книгу, подходящую для новообращенных христиан.